

18+

АЛИНА УСТИНОВА

ЗАПАДНАЯ СУТЬ ВОСТОЧНОЕ НАЧАЛО



Алина Устинова

Западная суть, Восточное начало

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73385163

ISBN 9785006910720

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.Главы двух крупнейших держав оказываются втянуты в противостояние, где личное неизбежно становится государственным, а границы между человеком и страной стираются. Пытаясь остановить один геополитический конфликт в Африке, они идут на опасное сближение, в котором оказываются замешаны чувства. На фоне глобальных кризисов и тайных сделок они должны ответить на главный вопрос: возможен ли диалог между Востоком и Западом или любое сближение лишь углубляет разлом?

Содержание

Глава 1. Вспышка	5
Глава 2.	57
Глава 3. Катастрофа	110
Глава 4. Враг	152
Конец ознакомительного фрагмента.	164

Западная суть, Восточное начало

Алина Устинова

*Обуянная смертным страхом
И отмищения зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток.
А. Ахматова*

Редактор Ольга Братцева

Корректор Сергей Ким

Иллюстратор Максим Литвинов

Дизайнер обложки Клавдия Шильденко

© Алина Устинова, 2026

© Максим Литвинов, иллюстрации, 2026

© Клавдия Шильденко, дизайн обложки, 2026

ISBN 978-5-0069-1072-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Вспышка

*Полный вспышек и теней,
Равномерно, неотступно
Рос губительный пожар.
К. Бальмонт*

Закаты и рассветы завораживают всех людей равным образом, но красота всегда в глазах смотрящего.

Премьер-министр Канады Пол Блэквелл был человеком спокойным, последовательным. Семь раз подумает – один отрежет; никаких скоропостижных решений, а план – сразу на пять шагов вперёд. По крайней мере – в его внутреннем зеркале действительности. Впрочем, с ним никто обычно и не спорил. Импульсивность вообще была для него своего рода повреждённой чертой характера: он не ценил жесты, сделанные на эмоциях. Некоторые, конечно, говорили ему, что, наоборот, порывы содержат больше правды, чем чётко составленные планы. Но в мире Пола Блэквелла «импульсы» приводили к катастрофам. Которых он всячески пытался избежать.

До заседания оставалось несколько мгновений. Он и другие главы государств уже сели на свои места за огромным круглым столом, но пока что были заняты неформальным общением. Пол Блэквелл следил за всеми – наблюдение ему всегда нравилось больше активного участия, пусть его ча-

сто склоняли к последнему. Вот и сейчас его взгляд, блуждая из одного конца зала в другой, постоянно задерживался на одном конкретном человеке – женщине, которая для их «круга» была новичком. Всех остальных Пол видел десятки раз, но её впервые. Она сидела напротив него, за частью стола через большой «островок» в виде ровного круга посередине, и Блэквелл пытался смотреть в другую точку, но не получалось. Таращиться так было непрофессионально – он прекрасно это знал. Но она притягивала его взгляд, и Пол не понимал, почему. Он хотел бы объяснить свой интерес самым очевидным – любопытством, новизной. Но тогда бы он к ней давно подошёл, уже придумав идеальный план для знакомства, чтобы представить себя в лучшем свете. Однако плана в голове не было абсолютно никакого. Понимания тоже. Если честно, он хотел поддаться импульсу и заговорить с ней просто так, но боялся этой непродуманности – о чём им вообще разговаривать, какая повестка? Шатание устоев, никак иначе. Или нет?

– Она похожа на отличницу, да? Ну такая у каждого была в классе, всегда готова и конспекты лепит постоянно, – премьер Австралии, который сидел через одно кресло от него (в данный момент пустующее – глав государств рассадили по названию их стран, согласно порядку английского алфавита), вытянул канадца из своих мыслей. Он говорил шёпотом, наклонившись ближе, и очень странно на него смотрел, будто всё это время внимательно следил за его взглядом.

– Кто? – Полу пришлось повернуться в сторону австралийца.

– Новый российский президент.

Премьер Канады сделал удивлённое лицо и мельком взглянул на неё, будто последние пятнадцать минут не изучал каждое её движение. Тем временем его коллега по премьерству пересел в пустующее между ними кресло.

– Тебе что, нечем заняться? – раздражённо спросил Блэквелл.

– Скучный ты. Между прочим, я прочитал про неё всё, что нашел, и так ничего и не понял.

– Зачем?

– В смысле – зачем? Пол, ты же не можешь быть настолько глупым человеком.

Блэквелл несколько раз моргнул, после чего спокойно сказал:

– Я думал, что никто из наших не собирается с ней разговаривать.

– Вообще-то не знаю, что там решил Дядя Сэм, а я бы с ней поговорил. Не каждый день застаешь такую смену лидеров. Считай, новая Россия.

– Насколько она новая, покажет время, Стивен.

– Тут ты прав, конечно, – Стивен наклонился чуть ближе к нему. – Но не говори, что тебе совсем не интересно, кто она. И откуда взялась.

Пол нахмурился. На самом деле он до этого момента осо-

бо не задумывался над этим вопросом – российская действительность, такая далекая от его собственных забот, была ему безразлична. В конце концов, его список дел был и без того длинным. Он пропустил практически все новости предвыборной кампании, кроме той, что там было два тура и в финал гонки вышла женщина – впервые в истории России. Но даже тогда он не удосужился изучить кандидатов, или посмотреть дебаты, или прочитать те многочисленные справки, которые строчили его помощники, МИД и разведка. В своих оценках нового лидера России (которую он, кстати, поздравил с победой, правда, не лично, а простой телеграммой, написанной, конечно, не им) Пол Блэквелл решил полагаться на своего главного союзника и единственного сухопутного соседа – США, главой которых являлся его хороший друг (как он считал) – Оливер Уотерс.

Сейчас же, когда премьер-министр Австралии Стивен ван Клифф спрашивал лично его мнение, Полу Блэквеллу в действительности было нечего сказать. Не о ней самой, а в принципе о желании узнать что-то о ней. Удивительно, как он, бывший министр иностранных дел Канады, забыл о том, что есть какие-то иностранные дела в стране – самой большой головной боли Западного мира. Но так как Запад договорился игнорировать само её существование на определённое время (предположительно до смены руководства), в этом не было ничего предосудительного. Сверхъестественного. Если бы не одно «но»: оказалось, что Пол Блэквелл

один из немногих, кто правда соблюдал это правило.

– Я знаю всё, что мне нужно знать, – уверенно сказал Пол и принялся читать бумаги у себя на столе.

– Например?

Блэквелл с недоумением посмотрел на своего соседа и было открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

– Имя, дата рождения и процент, с которым она выиграла, не считаются.

Пол лишь усмехнулся:

– Знаешь, из всего этого я знаю только имя.

– Мне казалось, что ты дальновидный политик, Пол. Но, возможно, я ошибался.

Стивен смеялся над ним, и Пол знал это. Серьёзность, с которой он говорил, превращала шутку в упрёк. Действительно, не очень продуманный шаг со стороны премьер-министра Канады. Но, в принципе, если подумать, у него особых нерешённых вопросов с Россией не было, так что какая ему, в общем, разница, кто конкретно там президент?

Он не смог себя пересилить и вновь посмотрел на неё. Светлые тона разбавляли общую строгость костюма. Тёмно-русые волосы аккуратно собраны в высокую причёску. Мягкие черты лица контрастировали с выраженными скулами. Для среды, где всё должно казаться бесполым (чтобы не навредить), она выбрала слишком женственное платье, чересчур хорошо сидящее на её фигуре. Она сама всё понимала – иначе не пыталась бы скрыть его за массивным пи-

джаком, если только это не тактика обескураживания мужского большинства, но тогда она ещё любопытнее, чем он думал. Тонкие длинные пальцы перебирали документы на столе, а не сильно объемные губы двигались, повторяя слова, написанные на бумагах. Это завлекало – он пытался понять, что она бормочет, но не умел читать по губам. И зачем тогда так пристально смотреть?

Она была похожа на венгерку, испанку, итальянку, шведку – на всех, кого он когда-либо видел. И ни на кого одновременно. Но на кого она точно не была похожа, так это на русскую. Точнее – на образ в его голове, на набор его стереотипов. Она не излучала жестокости, которую он ожидал в ней увидеть. В момент сосредоточенности её лицо было вполне спокойное, без какой-либо строгости, кроме нахмуренных бровей. Она даже мило прикусила нижнюю губу, когда задумалась. Правда, через пару мгновений резко выпрямилась и с идеально ровной спиной продолжила изучать свои бумаги. Наверное, не хотела нарваться на неудачный кадр от фотографов, подумал Пол.

Он видел, как до этого президент разговаривала с лидерами стран БРИКС (к слову, нельзя было не отметить её рост – Пол предполагал, что она чуть выше ста семидесяти пяти сантиметров, – который в совокупности с каблуками «возвышал» её над многими делегатами), смеялась и улыбалась им так искренне, что ему самому захотелось улыбнуться. Но с чего он решил, что она не может быть искренней?

Или – ещё хуже – что все русские, которых она представляла, не способны на это?

Его наблюдения за ней были слишком долгими, чтобы она это не почувствовала. Их взгляды на несколько мгновений встретились. Он не успел отвернуться, и от накатившей неловкости захотелось провалиться под землю. Но она лишь добродушно улыбнулась и коротко кивнула ему. Пол не нашёл никаких причин не улыбнуться в ответ. Он заметил, как она мельком посмотрела на табличку с надписью «Канада» рядом с ним, но Блэквелл сомневался, что она не знает, кто он такой. Возможно, просто сопоставила картинки в голове. Он бы так и не отвёл взгляда, если бы не бразильский президент:

– Добрый день, Пол, – тот прогнал австралийского премьера, который с очень недовольным выражением лица пересел обратно в своё кресло. С ним он, кстати, не поздоровался.

– Антониу, – Пол коротко кивнул.

– Антониу, – Стивен ван Клифф повернулся к ним двоим. – Что вы думаете о новом президенте России? У вас же была встреча БРИКС как раз пару недель назад. Первый выход в свет, так сказать.

– А что, моё мнение как-то повлияет на ваше, Стивен? Или вы собираете развединформацию? Неужели ваши пять глаз уже не справляются? – на последнем вопросе Антониу посмотрел и на Пола.

У Бразилии и Австралии сейчас был не простой период отношений. И всё вроде бы ничего, периоды бывают разные, но это усугублялось личной неприязнью бразильского президента к австралийскому премьеру. Правда, последний делал вид, что ничего подобного не замечает, и редко реагировал на какие-либо колкости в его сторону.

– Антониу, вы же понимаете, никакая разведка не сравнится с личным мнением. Вживую виднее.

– Ну так подойдите и сделайте оценку самостоятельно. Вы же вроде как умеете разговаривать.

Пол на это даже усмехнулся, чем привлёк к себе внимание Антониу.

– Станислава Филин – прекрасный политик и дипломат, – бразилец уже обращался к канадцу. – Редко встретишь настолько приятных людей в нашей среде. Очень рекомендую лично каждому с ней познакомиться. Невзирая на какие-либо... *договорённости*, – последнее слово он протянул будто специально.

Ответить на это никто не успел. Все расселись по своим местам. Началась рабочая сессия Группы 20, которую на правах страны-хозяйки в этом году открывала Южно-Африканская Республика.

Зима в Южном полушарии, конечно, значительно отличается от зимы в Северном. И дело было не в том, какой месяц здесь обозначает тот самый сезон года – на дворе стоял ко-

нец июня, середина зимы в ЮАР, но если сравнивать с январём в России, разница была очевидна. В Кейптауне светило солнце, и в пальто было жарко. Но погода была обманчива – стоило отойти в тень, как тут же становилось холодно. Станислава вышла во внутренний двор на свежий воздух, чтобы в уединении ответить на телефонный звонок. Её советница осталась разговаривать со своей коллегой из Индии.

Она могла бы позвонить позже, когда останется в номере отеля одна. Звонок был не срочный. Звонок был отговоркой. Но ей надо было перевести дух. Подышать. Для неё всё это было в новинку, в конце концов. Конечно, она привыкнет со временем. Но, к сожалению, времени, чтобы все привыкли к ней, у неё не было. Она сейчас должна держать планку, установленную предыдущим правительством. Планку, для достижения которой при иных обстоятельствах ей бы понадобилось лет пятнадцать. С одной стороны, было хорошо, что Станислава была чистым листом, новой переменной. С другой – это могло вызвать сомнения у стран, ещё не определившихся со своим отношением к новому руководству России, но привыкших вести дела с сильным и опытным лидером. Репутация в данном случае проигрывала её отсутствию. Даже если для некоторых стран репутация предыдущего правительства считалась разбитой в пух и прах.

Первое мероприятие международного масштаба – встреча стран БРИКС – не так сильно давила на неё, как «Группа двадцати». БРИКС был ближним кругом, можно сказать,

союзническим. Там её избрание на пост президента России приняли как должное, как естественное течение вещей. Впрочем, она понимала, что доверять всем сразу не стоит. Однако со странами БРИКС она чувствовала себя в разы увереннее. К тому же у них по большей части совпадали интересы. И саммит проходил на её территории. Дома.

Здесь же, на «двадцатке», она сплошь и рядом замечала оценивающие взгляды. Кто-то смотрел с интересом, кто-то – с недоверием, но везде была подозрительность. Злое любопытство. Сравнение. Станислава старалась быть доброжелательной. В конце концов, она уже не в состоянии повлиять на прошлое, каким бы оно ни было. Она лишь пишет новую главу в летописи России.

Президент, где могла, улыбалась, не отказывалась от встреч и здоровалась со всеми, кто подавал ей руку. Впрочем, западные страны пока что оставались в стороне. По крайней мере, публично. Единственный, кто хоть как-то обратил на неё внимание, был канадский премьер-министр, который решил поиграть в гляделки, наверняка предполагая, что Станислава ничего не заметила. Хотя она до конца и не понимала, интерес это или умелый расчёт. Хотел ли он, чтобы она заметила его подглядывания? Или это была чистая случайность и он не проводил что-то вроде «маленькой разведывательной миссии»?

– Вы прячетесь?

От неожиданности Станислава вздрогнула. Обернувшись,

она обнаружила перед собой того самого канадского премьер-министра, чьё повышенное внимание лишь пару минут назад было предметом её размышлений.

– Простите, что напугал вас, – добавил он вдогонку, прежде чем Станислава успела что-либо сказать.

– Господин премьер-министр, – приветствовала она.

– Госпожа президент. Я боюсь, мы официально так и не представились, – он подошёл ближе и протянул ей руку. – Пол Блэквелл.

– Я знаю, – она улыбнулась, ей показался смешным его жест. Пока что никто при знакомстве с ней так не сделал. Она пожала ему руку в ответ. – Станислава Филин.

Они пристально смотрели друг другу в глаза, то ли пытаюсь прочитать мысли и понять истинные намерения, то ли загипнотизировать. Из-за этого их рукопожатие продлилось дольше необходимого времени. Станиславе даже почудилось, что Пол на секунду слишком сильно сжал её ладонь. Он и вправду это сделал, но сам себе не мог объяснить, с какой целью.

– Вы не поверите, но я тоже знаю, кто вы, – теперь оба засмеялись.

Неловкость была замята, они разомкнули рукопожатие. Правда, Пол от этого не перестал пристально вглядываться в её лицо.

– Не надо пытаться прочитать меня, – Станислава вновь улыбнулась. – Хотите узнать что-то – спросите.

– Я уже задал вопрос, – невозмутимо сказал он.

– Я не прячусь, – мгновенно ответила она.

– Что же вы тут делаете?

– Не думаю, что вас это касается.

– Вы всегда такая подозрительная?

– Замечу, что вопросы здесь пока что задаёте только вы.

Поэтому кто более подозрительный, ещё не до конца ясно.

– У вас практически нет акцента, – сказал Пол, наверное, больше себе, чем ей. Они разговаривали на английском. – Очень необычно для русской.

Станислава ухмыльнулась и с недоумением посмотрела на своего собеседника. Пол же был искренне удивлён её прекрасно поставленному американскому акценту. В принципе, он, наверное, имел в виду больше это – что она использует американское произношение, а не британское. А не то, что она подумала. Но объясняться было поздно – её уже задели его слова.

– Понятно, – она поджала губы, явно сдерживая себя, чтобы высказать что-то более основательно. Небольшая пауза. – В целом неудивительно. Ведь практически все ваши представления о том, что такое Россия и как там живут люди, не имеют ничего общего с реальностью.

– А ваши – это чьи? – Пол всё ещё продолжал пожирать её взглядом. При этом Станислава успела посмотреть и за его спину, и за свою спину, и вообще обвести взглядом весь двор.

– Вы сейчас серьёзно?

– Вполне.

– Я имела в виду Запад. Но мне кажется, вы и сами всё поняли.

– Только его?

– А кого ещё?

– Может, Восток?

– Вы играете со мной? – Станислава не показывала этого, но на самом деле её жутко раздражал этот напыщенный индюк. В первую очередь своими идиотскими вопросами, на которые, как казалось Филин, не надо было давать ответы, потому что они и так были всем известны. Она могла поклясться, что в данный момент в своих мыслях он просто заливается смехом.

– Вовсе нет. Я просто пытаюсь вас понять, – его голос не выражал и капли насмешки.

– Или проверить...

– У вас была хорошая речь, – перебил её Пол.

– Вам понравилась моя речь?

– Это не то, что я сказал.

– Вы такой загадочный человек, господин Блэквелл, – издевательским тоном начала она. – Уже третий раз переводите тему нашего разговора. Это ваша обычная манера общения или только когда вы что-то предлагаете?

Пол Блэквелл улыбнулся и посмотрел себе в ноги. Первый раз за всю беседу он отвёл от неё свой пристальный взгляд.

Станислава не могла не подметить, что на вид он был очень приятный и привлекательный человек. Высокий, широкоплечий – в свои сорок четыре года он определённо прекрасно выглядел – о таких людях обычно говорят, что с возрастом они становятся только лучше, прибавляется некая статность, но при этом процесс старения будто резко замедляется (а ей было с чем сравнивать, ведь её брат – почти ровесник Блэквелла – в отличие от канадца, уже седел). Ромбовидное, идеально выбритое лицо, тонкие губы и прямой нос – его черты добавляли ему обаяния. Но он не был лишён той холодности, которая свойственна всем людям Севера. Больше всего это отразилось в его глазах необычно яркого оттенка голубого цвета, которые сильно контрастировали с его тёмными волосами и довольно бледной кожей. Они скорее замораживали собеседника, нежели растапливали и располагали к себе. Заставляли терять бдительность и застывать в буквальном смысле этого слова. Станислава сама чуть не попалась, поэтому старалась избегать его напористого взгляда. В его движениях была некая медлительность, как будто он каждый раз просчитывал все возможные исходы любого своего шага. Филин заметила, что его мимика была настолько минимальна, если бы он вообще не видел в ней необходимости. Да и сам он был как образец минимализма, что подчеркивали ничем не примечательные часы у него на руке, на циферблате которых было только четыре деления и никаких цифр, и однотонный тёмно-синий галстук без ка-

ких-либо узоров. Впрочем, в совокупности со всем остальным этот образ лишь придавал ему шарма, парадоксально располагал к себе.

Она практически ничего о нём не знала, кроме того, что пару лет назад он был человеком года по версии Time. Но кого вообще интересует мнение этого журнала, правда? Станислава была не сильна в международных отношениях (по крайней мере, в западных), ей лучше удавалась внутренняя политика – в конце концов, она бывший губернатор Тюменской области – но даже она не могла не подметить лёгкость, с которой он общался с лидерами стран «Группы двадцати». Практически со всеми. Такая доброжелательность была мало кому присуща из представителей государств на этом мероприятии – чего стоило полное раздражения лицо бразильского президента каждый раз, когда с ним решался заговорить австралийский премьер. Но Пол Блэквелл будто не вызывал неудовольствия абсолютно ни у кого – все были, если не рады его видеть, то достаточно спокойно настроены по отношению к его компании. Она бы хотела такому научиться.

Впрочем, разве можно дружить со всеми? Или такой человек на самом деле не дружит ни с кем?

– Я всего лишь осторожен в высказываниях, госпожа Филлин. Вы же поняли, что я имел в виду, – он с улыбкой посмотрел на неё.

– Видите, оказывается, мы оба считаем, что есть оче-

видные вещи, которые не обязательно произносить вслух, но почему-то задаём уточняющие вопросы. Не слишком умно с нашей стороны, правда? – Станислава сказала это скорее в пространство, нежели конкретно ему, но заметила, что эта фраза взбудоражила его, он даже набрал воздух в лёгкие, чтобы ей ответить, но так ничего и не произнёс.

– Вам стало скучно? – спросила Станислава.

– С вами?

– Нет, – она засмеялась и покачала головой. В её голове до конца так и не укладывалось, шутит ли он, может, даже насмехается над ней, над её ходом мыслей. Насмехается ли он вообще над всеми на этом мероприятии, играет ли он в эту лёгкость разговора. Или Пол Блэквелл всё же искренен в своих вопросах, в своих попытках проявить добродушие.

– Я имею в виду там.

Станислава указала на здание позади него. Он зачем-то обернулся, будто не знал, что там находится, и ожидал увидеть нечто обескураживающее.

– Вы хотите услышать честный ответ? – Пол прошёл мимо неё к ограде беседки и облокотился спиной о перила.

– Очень глупый вопрос. Но вы можете соврать, если хотите.

Пол ухмыльнулся. Он не понимал и не хотел понимать своё странное желание открыться ей, как будто иной исход был невозможен. Как будто из всех людей на этой ярмар-

ке тщеславия она, которую он знает несколько мгновений, единственная, кто его поймёт.

– По большей части одни и те же люди каждый год. Иногда в разных должностях. Даже при смене людей – одни и те же разговоры. В последние пару лет было, конечно, необычно, даже интересно, но мне, как премьер-министру Канады, достаются не самые интересные разговоры и собеседники, если вы понимаете, о чём я, – он на мгновение замолчал. – Со временем вы привыкнете. Это как встреча одноклассников. Все приезжают и рассказывают, как у них всё замечательно. Самому нелюбимому припоминают все грехи, а грехи остальных списывают на детскость. Глобально как будто ничего не поменялось – все так и остались в «школе». Правда, в нашем случае – глобального лидерства, я имею в виду – помимо гордыни, страдают настоящие люди, которым не повезло попасть под благородные цели этих решателей проблем.

Станислава медленно подошла к нему, её лицо выражало настороженность и недоверие. Почему он говорит так, будто эти слова не относятся и к нему самому? Сам он считает себя выше этого? Неужели Пол Блэквелл пал жертвой собственного тщеславия и решил, что он здесь посланник исключительного благородства?

– Я даже не знаю, что меня поразило больше – что вы сказали правду или что действительно соврали.

– Поразило в каком смысле: в хорошем или в плохом?

– Этого я тоже не знаю.

– Почему вы сказали мне соврать?

– Я вам разрешила это сделать. Выбор был за вами. И полностью на вашей совести.

– Думаете, я соврал?

– Что вы от меня хотите, господин Блэквелл?

Станислава была немного раздражена. В этот раз она пересилила себя и смогла посмотреть ему в глаза. Пол уже вернул своё привычное лицо, которое выражало (или должно было выражать) серьёзную заинтересованность, обрамлённую показной холодностью.

– Если честно, я не знаю, – он нахмурился. – Я просто увидел вас и... Я думал, что подойду и скажу «здравствуйте».

Она внезапно засмеялась, но, увидев его смущение, закрыла свою улыбку ладонью, хотя Пол мог разглядеть усмешку в её глазах. Впрочем, не злую.

– И именно этого вы мне так и не сказали.

– Я помню. Глупо с моей стороны, не правда ли?

Станислава ничего не ответила. Они замолчали, вглядываясь друг другу в лицо. Каждый относился к своему собеседнику с нескрываемым подозрением. Правда, презрения между ними не было. Подозрение же порождало скорее взаимный интерес, азарт, а не страх или тревогу. Филин прекрасно понимала, что само их нахождение наедине, не говоря уже о разговоре (причём даже без журналистов) – это определённый репутационный риск. Впрочем, никто из них

как будто ничего такого не боялся. Или просто не ждал.

– Я... Мне надо идти. Было приятно с вами познакомиться, господин премьер-министр, – Станислава прервала их уже ставшее неловким молчание.

– Мне тоже, госпожа президент.

Станислава кивнула и пошла в направлении здания резиденции, откуда выбегала её советница с недовольным выражением лица, как будто собиралась потребовать сатисфакции.

– Надеюсь, мы с вами ещё увидимся, – через несколько мгновений добавил Пол Блэквелл ей в спину.

Станислава улыбнулась, но не остановилась и крикнула ему, даже не оборачиваясь:

– О, не сомневайтесь, на протяжении как минимум шести лет я буду бичом вашего существования.

До неё донеслась его усмешка, и она улыбнулась на это – ей определённо удалось развеселить канадского премьер-министра.

– Очень на это надеюсь, – прошептал Блэквелл. И никто, кроме него, этого точно не услышал.

Есть такие люди, лица которых красивее в движении. Именно из таких и была советница российского президента по внешней политике и международным связям Анастасия Амурсанаева. За минуту на её лице можно было прочесть десятки эмоций, она никогда не скрывала своего отношения

к тем или иным вещам: часто округляла или закатывала глаза, поджимала губы и активно жестикулировала. Подобные движения иногда запутывали её собеседников, они не могли угадать, что у неё на уме в глобальном смысле, не видели картины целиком. Особенно если плохо её знали. Хотя сама Анастасия уверяла, что главная эмоция для неё – это недовольство. В спокойном состоянии её лицо было не таким интересным, она не приковывала к себе внимание, если ничего не чувствовала. Стоило же ей просто улыбнуться, как она сразу начинала ощущать несколько пар глаз, обращённых на неё. Но эта же активная мимика была виновницей того, что она никогда не сможет стать хорошим дипломатом (ещё, конечно, из-за своего длинного языка, отсутствия хотя бы намёка на тактичность и излишнюю прямоту, но это уже совсем другая история).

Вот и сейчас на лице Анастасии можно было прочесть недоумение, раздражение и даже в некоторой степени интерес. При том что она ничего толком пока не сказала, Станислава уже знала все её будущие вопросы. В конце концов, они были знакомы больше десяти лет.

– Да, это был он, – сразу выпалила Филин, пока они шли по коридору на встречу с премьер-министром Индии.

– Только не говори мне, что канадский премьер-министр случайно на тебя наткнулся в этом прекрасном африканском саду, который так кстати оказался пуст.

– Может, и не случайно. Но какая разница? Мы толком

ни о чём не поговорили, – в этот момент Станислава забрала у Анастасии папку с документами, которую начала быстро изучать на ходу. – Ничего нового? Мы об этом ещё в прошлом месяце договорились.

– На следующей странице, – Анастасия остановила Филин посреди коридора. – И что он тебе сказал?

– Что считает всё это мероприятие встречей одноклассников. Смешно, правда? – она не смотрела на неё, продолжая вчитываться в документы.

– Очень, – ни тени улыбки. – Зачем он подошёл?

– Поздороваться.

– Что-то тут нечисто, – Анастасия покачала головой. – Канада с нами несколько лет играет в игру «вы не существуете» и тут вдруг неожиданно заметила, что мы есть на карте?

– Неожиданно? В стране сменился президент. Это все заметили.

И даже больше, чем заметили. На Станиславу всё навалилось как снежный ком. Она не ожидала такого повышенного внимания к своей персоне на «двадцатке». Рассчитывала на ограниченный круг общения, а получила расширенный, если можно так сказать. Все твердили ей о какой-то перезагрузке, новой главе, обновлённых гарантиях, перспективах и остальных атрибутах прекрасного будущего, которое, оказывается, было доступно при смене главного персонажа. И если бы всё было так просто.

– В мире западных фантазий это работает не так. Кана-

да фактически пятьдесят первый штат США и юридически под британской короной. Осталось только выяснить, чей стул сыграл сегодня. Я постараюсь, а ты пока, пожалуйста, больше с ним не разговаривай!

– Спасибо за совет, но я думаю, что смогу самостоятельно решить этот вопрос. К тому же ты даже не рассматриваешь вариант, что он решил подойти сам.

– Это вариант только для независимых государств.

– Очень оскорбительно с твоей стороны.

– На правду не обижаются, – Анастасия вскинула руки вверх.

– Почему ты никогда никому не доверяешь? – спросила Станислава, наконец обратив внимание на свою советницу.

– Потому что никому нельзя доверять. Особенно в этом болоте, – Амурсанаева закатила глаза. – Сама же всё знаешь.

– Я всегда лелею надежду. Даже если и небольшую.

Когда Станислава шла на этот пост, она не до конца понимала, что именно её здесь ждёт, особенно на международной арене. Кто друг, кто враг, а кто просто так? В чём великая загадка договорённостей, которые никто не соблюдает, и почему все продолжают о чём-то договариваться? С одной стороны, она верила, что уж теперь-то всё будет по-новому, с другой стороны – мир в сущности своей другим не стал. Каждый хочет свою долю, свою волю и своего вассала. И, конечно, нерушимый статус-кво, стабильность. Поэтому, наверное, и можно понять, почему она сенсация этой встречи,

глоток свежего воздуха, о котором никто ничего не знает. Что уж там говорить – со своим отношением к ней всё ещё не определилась половина населения России, не то что половина мира, поэтому путь в отстаивании своего места под солнцем ей точно предстоит долгий.

– Твоя вот эта вера в людей, а особенно – в существование хороших политиков, всегда меня подкупала в некотором роде, – задумчиво сказала Анастасия. – И не меня одну, кстати. Я думаю, что в определённом плане она помогла тебе стать главой государства. А до этого губернатором. Если честно, она очень хорошо обыгрывается на выборах... Ладно, о чём я. На посту главы региона твоя вера не так опасна, как на посту президента. Внутри тебя страшует государственная граница, но здесь её нет. Не забывай это.

– Я не наивна, – твёрдо отрезала Станислава. Она даже немного обиделась на свою советницу за то, что та общается с ней как с ребёнком из детского сада.

– Я знаю. В конце концов, наивный человек никогда бы не стал президентом, – Анастасия улыбнулась. – Но ты добра. А иногда это гораздо опаснее наивности.

Станислава нахмурилась. Она не хотела видеть себя такой, какой её описывала Анастасия. Более того, она старалась избавиться от мягкости, которую чувствовала в себе из-за собственной «сердобольности» (а так Станислава с некоторым пренебрежением обзывала доброту). Ей казалось, что народ хочет видеть на президентском троне более жёсткого

лидера, что слабина отвернёт от неё избирателя и что ей уже приписывают чрезмерную мягкость по одному лишь гендерному признаку. Она отчаянно пыталась всё это опровергнуть и поменять себя, стать похожей на Анастасию, которая действительно была жёстким и резким человеком.

Но Амурсанаева никогда не выигрывала выборы, а Станислава со своей верой в лучшее будущее делала это не один раз. Впрочем, Анастасия и не стремилась быть лицом власти, её вполне устраивала роль серого кардинала.

Что же до доброты, Анастасия считала это подарком свыше, Станислава – проклятием. Со стороны Филин даже казалось, что она выиграла в своей внутренней борьбе «добра и зла» и приобрела некоторые черты отъявленных мерзавцев, которые идут к своим целям напролом, не гнушаясь никаких методов. Но вот перед ней стояла Анастасия Амурсанаева и говорила, что ничего глобально не поменялось. Чего Станислава не знала – что под «добротой» Анастасия в первую очередь подразумевала её веру в налаживание контактов и мостов, которой часто так всем им не хватало. И которую, возможно, так хотела обрести сама Анастасия.

– «Великий политик должен быть злодеем, иначе он будет плохо управлять обществом. Порядочный человек в роли политика – это всё равно, что чувствующая паровая машина или кормчий, который объясняется в любви, держа рулевое колесо: корабль идёт ко дну», – внезапно с выражением произнесла Станислава, как будто читала стих перед классом.

Анастасия недоуменно посмотрела на неё.

– Кто это сказал?

– Бальзак.

– Не читай больше французскую литературу! – Настя вскинула руки в воздух и закатила глаза. – Боже! Столько понаписали, и как в итоге кончили со своими республиками, – она замолчала, а потом продолжила: – Доброта не делает тебя слабой, Стася. Не знаю, почему ты так считаешь. Разница в том, что жестокость мира всегда пытаются исправить добрые люди. Злодеи не жаждут изменений, они живут в том мире, в котором привыкли играть в свои грязные игры, прокручивая великие политические схемы. Потому что новый мир – новые правила игры. Порядочный человек в любом мире остаётся собой.

– Ты же сама не веришь в глобальные изменения. Например, подозреваешь канадского премьер-министра в неискренности, – Станислава наклонила голову набок.

– Стрелочки-то не переводы. У него было десять шансов стать злодеем, по версии Оноре де Бальзака, и он воспользовался каждым, поверь мне, – Анастасия улыбнулась. – Но у любого порядочного человека во власти всегда есть свой подручный злодей для великих политических телодвижений. Из нас двоих это я, так что не переживай. Даже по версии французской философской мысли, наш корабль под названием «Россия» вряд ли уйдёт на дно.

Филин не поняла странную манеру подбадривания своей

советницы, но ничего не сказала, просто улыбнувшись в ответ. В конце концов, были темы, где они не сходились и никогда бы не сошлись во взглядах. Спорить с ней было бесполезно, Станислава не хотела тратить на это время. Она же всё решила: если ради своей страны ей придётся стать злодеем, она им станет.

Станный разговор, состоявшийся между ними, никак не выходил у него из головы. Позволил ли он себе больше, чем следовало? Может, вышел за пределы какого-либо из этикетов? С одной стороны, ему так не казалось, с другой – что-то внутри его волновало в достаточной степени, чтобы в принципе начать рефлексировать. Единственное, в чём он не сомневался – на протяжении своего президентского срока она определённо не раз всех удивит. Бразильский лидер также оказался прав в своих оценках: она и правда один из самых приятных политиков в их среде обитания. По крайней мере, точно на этом мероприятии. Пока что другие разговоры с участниками не вызвали у него столь необычную бурю эмоций и не оставили после себя настолько яркий след. Хотя, если подумать, они ни о чём конкретном и не поговорили, но это его и восхищало. Пол Блэквелл поймал себя на мысли, что вновь хочет увидеться с ней. Причём это был его личный интерес.

– ...она, конечно, всю повестку собой перекрыла. Все говорят только о ней. С кем ни здороваешься, один и тот же

вопрос: «А вы с ней разговаривали?» Нет больше в мире проблем, что ли? Просто какое-то ходячее недоразумение. И так последние три года разговоры только об одной стране, теперь следующие шесть лет снова о ней, судя по всему...

– О ком ты говоришь? – Пол прервал рассуждения своего советника по внешней политике Лероя Макферсона, пропустив половину того, что тот сказал. Блэквелл, конечно, понимал, о ком идёт речь – у него самого только это и было в мыслях, но он зачем-то пытался делать вид, что думает о совершенно других вещах.

– О блистательной госпоже Филин, конечно же, – советник сделал небольшую паузу, а потом уточнение, в котором никто, впрочем, не нуждался. – Новом российском президенте.

– Хм, – только и выдал Пол, даже не взглянув на своего собеседника.

– Это всё, что ты скажешь? – Макферсон повернулся к нему, не в состоянии скрыть своё любопытство.

– Не обращай внимания, Лерой. Он вчера сказал мне, что вообще не знает ничего о Станиславе Филин и ему даже неинтересно, – Стивен ван Клифф усмехнулся, а его советник покачал головой. Они сидели в кабинете на двусторонней закрытой встрече глав правительств Канады и Австралии. Как оказалось, посвящённой рассуждениям о новом российском лидере.

– Вообще-то я с ней разговаривал. Вчера после заседания.

– И ты сидишь молчишь? – голос Стивена аж подскочил на полтона.

– Прости, я забыл, что это было у нас в повестке, – съязвил канадский премьер.

– Пол, ты издеваешься? Это главная тема в повестке! В конце концов, общая стратегия выстраивания взаимоотношений с Россией и тому подобное в рамках союзнических обязательств или, не знаю, под эгидой Содружества. Придумаем что-нибудь. И вообще, у нас в повестке разговоров на пятнадцать минут, а забронирован целый час! Мы же с тобой ещё месяц назад всё решили, – австралийский премьер явно пытался уйти от обсуждения их двусторонних отношений всеми правдами и неправдами, при том что месяц назад они как раз ничего и не решили, а должны были разобраться сегодня. – Ну и как она тебе?

– У неё очень хороший английский, – Пол заметил, как Лерой нахмурился – тот явно не был доволен ответом. Или чем-то большим – например, тем фактом, что он до этого не слышал про какой-либо разговор с российским президентом.

– Многословно. Как и твоё предыдущее замечание, – австралийский премьер покачал головой и поджал губы в недоумении.

– Ты ждёшь подробную характеристику на неё или что? Мы разговаривали ровно пять минут.

– А о чём? – в дело уже вмешался Лерой. – И почему?

– Да ни о чём. Я просто увидел её и решил поздороваться.

– Просто решил? – Лерой всё ещё пребывал в каком-то царстве недоумения, но его вопрос остался незамеченным, так как Стивен был напористее в своих попытках узнать больше о Станиславе Филин.

– Как это, пять минут ни о чём? Такого не бывает. Что она тебе сказала?

– Что я ничего не знаю о России...

– Здесь с ней не поспоришь, ты о ней-то ничего не знаешь.

– ...как и весь Запад.

Стивен пожал плечами, мол, принимается.

– Она...

Пол резко оборвал свою фразу и решил не продолжать разговор. Он хотел сказать им, что она очень красивая женщина, но посчитал это неуместным. Более того, опасным. В первую очередь для собственной репутации. Да, для его профессиональной репутации подобные рассуждения были опасны в своей сути: что за мысли он себе позволяет о лидере другого государства? Это вредно не только для его карьеры, но и для концентрации внимания.

– Что?

– Очень молода. Для президента, – Пол вышел из ситуации, хотя его это волновало в меньшей степени.

– Да, ей тридцать семь, – Стивен сказал это как-то горделиво. Как будто он единственный сделал домашнее задание и ждал поощрения за это. – Не то чтобы мы не в кур-

се, это и в интернете почитать можно. А есть какие-то более эксклюзивные данные, которыми ты хотел бы поделиться с классом?

Блэквелл повернулся к австралийскому премьеру с лицом, выражавшим полное недоумение его вопросом. Самому Полу было, в принципе, нечего сказать. Однако его настораживала явная нездоровая заинтересованность Стивена ван Клиффа российским президентом. Причём с самой первой его минуты пребывания на этом саммите. Пока ни один западный лидер не был столь увлечён новым лидером России, как австралиец. Даже учитывая слова Лероя о вездесущности Станиславы Филин, которые, впрочем, были гиперболизированы.

– Чем больше ты задаёшь вопросов, тем больше я убеждаюсь, что у тебя какой-то особый интерес к её персоне, – отметил канадец.

Если честно, то Полу казалось, что он находится в старшей школе, в которой появилась новенькая, и каждая группа по интересам пытается понять, кто она и сможет ли прижиться в коллективе. Выросли ли все они со времён старшей школы или в глубине души так и остались там? Чем верхний уровень социально-политических контактов отличается от начального уровня подростково-приятельских? Даже здесь, на серьёзном саммите, все как будто знают своё место в пищевой цепочке иерархических процессов глобальной политики.

– Ну... – Стивен цокнул. – Не сказал бы, что особый. Профессиональный! Хочу провести с ней двустороннюю встречу. Поэтому мне нужно понимать, насколько она сговорчивая.

– О боже, – прошептал Лерой, который до этого момента никак не участвовал в их разговоре.

– Ты сказал Оливеру? – Пол поднял брови вверх, обращаясь к австралийцу.

– Я ничего ещё не решил, – выпалил Стивен. – И вообще не собираюсь с ним это обсуждать.

– Ты же знаешь, что эффекта можно добиться только совместными усилиями... – начал Лерой.

– Ой, Лерой, не строй из себя идиота. На словах мы все здесь едины и всё такое, но скажи это нашему прекрасному «лидеру свободного мира» Оливеру Уотерсу. Ты знаешь, что они постоянно что-то выводят из-под санкций, на месяц, на два, навсегда. Создают исключения, обходят собственные запреты. Они исходят из своих интересов, я хочу исходить из своих. Нельзя играть в игру «единство», где сам нарушаешь правила. Нет... – Стивен внезапно рассмеялся. – Почитай закрытые доклады о закупке нефти и других природных ископаемых, там такая умора. Единственный, кто у нас правильный, так это Пол. И то потому, что у самого всё есть.

Канадский премьер-министр ухмыльнулся. На самом деле в торговых отношениях Канада и Россия и так особо раньше не контактировали, а в текущей геополитической ситуации

и вовсе перестали. И после этого Россия в его списке дел стала занимать чуть ли не последние места, поэтому он редко читал посвящённые ей доклады, а уж тем более – закрытые.

– Не могу тебе ничем помочь. Ты явно знаешь больше меня, – спокойно сказал Пол.

– А что у тебя вообще за дела с ней для двусторонней встречи? – Лерой нахмурился и серьёзно посмотрел на Стивена.

– Государственная тайна, – ван Клифф улыбнулся, явно не собираясь и дальше продолжать этот разговор.

– Оставь его, – отрезал Пол своему советнику, когда понял, что тот действительно собрался допрашивать австралийца. Лерой недовольно кивнул, но успокоился.

– Может, мы вернемся к нашим делам? – предложил Макферсон.

– Замечательное предложение! – внезапно с воодушевлением сказал Стивен, как будто до этого не пытался отсрочить их разговор всеми возможными способами.

Как Пол и предполагал, они даже чуть превысили отведённый лимит времени на встречу, но вроде бы им удалось договориться. Хотя, зная Стивена, он понимал, что пока на документе не будет стоять его подпись, они ничего не решили. Но это разговор уже на другое время.

После встречи Пол подозвал своего советника, который тут же начал выражать недовольство тем, что не был осведомлён о разговоре с российским президентом. Канадский

премьер-министр спокойно его выслушал, ни разу не перебив, а потом так же спокойно попросил у Лероя назначить ему неформальную встречу со Станиславой Филин. Без прессы. И желательно без внесения в официальное расписание.

Макферсон окончательно перестал понимать суть происходящего, так как Пол даже не дал ему повестку или хотя бы небольшой намёк на предмет разговора. Впрочем, послушаться своего непосредственного начальника, к тому же главу государства, он не мог, но предупредил, что это сулит проблемы. И попросил Пола ещё раз подумать.

– Это не обсуждается, – коротко отрезал тот и запросил у Лероя подробную справку на неё.

– Я даже не уверен, что они согласятся, – Макферсон решил достать свой последний козырь.

– А ты спроси, – Пол загадочно улыбнулся, похлопал Лероя по плечу и удалился в неизвестном направлении.

Пол Блэквелл ждал её в одной из небольших комнат, выделенных для переговоров. Самым интересным в интерьере была странная картина на стене, которую он внимательно изучал, как будто это был потерянный шедевр Моне. В действительности премьер-министр пребывал в своих размышлениях и даже толком не понял, что там изображено и подходит ли это под определение «шедевр». Как только Пол услышал звук открывающейся двери, тут же повернул голову в её

сторону.

Она зашла вместе с неизвестной ему женщиной североазиатского фенотипа – явной представительницей малых народов России – примерно её же возраста, которая крайне неодобрительно на него посмотрела. Пол улыбнулся, Станислава же ему кивнула, а женщина рядом даже бровью не повела. После российский президент что-то шепнула ей на ухо, и та сразу же удалилась, закрыв за собой дверь.

– Представляете моё удивление, когда моя советница, – Филин указала на дверь, подразумевая, как понял Пол, ту женщину, которая только что была здесь, – сообщила мне, что вы просите о личной встрече?

Вопрос риторический, ответа не требовал, поэтому Пол лишь пожал плечами. Он сделал несколько шагов в её сторону и жестом пригласил присесть на два стоящих рядом друг с другом, но на достаточном расстоянии кресла, будто он здесь хозяин.

– Знаете, мы с вами не виделись практически один день, а как будто и не расставались со вчера, – начал Пол.

– Значит, снова не поздороваетесь? – Пол на это даже хмыкнул, а Станислава нахмурила брови.

– Просто такое ощущение, – продолжил он, – что вы везде: в каждой гостиной, в каждом помещении... Ведь все разговоры только о вас. Или с вами.

– Покрутив глобус, тоже можно часто попасть пальцем в Россию, – сегодня она смотрела ему в глаза, будто уже

не боялась его пристального взгляда. Он же попал в её ловушку впервые: оказывается, она тоже могла обескуражить собеседника. Если очень этого хотела. У неё, как и у него, были глаза человека Севера – холодные, серые, на свету отдававшие зелёным.

– Я вроде бы говорил не о России.

– Я её олицетворяю, представляю. Разве это возможно – говорить обо мне без неё?

– Естественно. Вы же были личностью до того, как стать президентом России. И будете ею после.

Она усмехнулась, даже рассмеялась и отвернулась от него. Глупо было предполагать, что он сразу поймёт её. А ещё глупее – что Пол Блэквелл наивный чудаков и простаков. Станислава не верила, что простые люди могут стать лидерами и быть ими долгое время.

– Никакого «после» не будет. Моя личность станет частью истории России, а значит, в каком-то смысле я всегда буду олицетворять её, просто в определённый период времени, – она на мгновение замолчала и вновь посмотрела на него. – Не знаю, как у вас там в Канаде, но у нас в стране нельзя быть лидером России, а потом просто личностью. Ты всегда будешь ассоциироваться с чем-то плохим и чем-то хорошим, с противоречивым. И навсегда будешь неотделим от России, ведь она стала частью твоей же личности.

– Конечно. В конце концов, почти все ваши лидеры умирали на своём посту. Прямо как в истинных монархиях, –

Пол продолжал играть со Станиславой в гляделки.

– Что же, значит, называете меня императрицей? – Филин игриво улыбнулась.

– Монархия не равно империя, – он нахмурился, а потом уже тихо и быстро продолжил: – Ровно как и империя не всегда монархия. Вы...

Её пронзительный взгляд заставил его замолчать. Он всё сразу понял: дело не в ассоциации с монархией, скорее – с империей. Но означает ли это, что Станислава сама жаждет иметь абсолютную власть? Что она тщеславна, если не авторитарна? Страдает ли она реваншизмом или её империализм – порождение исключительной географии страны, масштабы, которая заставляет мыслить слишком крупными категориями, которые не понятны другим?

– Из нас двоих в монархии живёте только вы, господин Блэквелл.

Пол следил за ней: как она закидывает ногу на ногу, убирает прядь волос за ухо и, словно исследователь далеких галактик, изучает его. Как вглядывается в каждую деталь, чуть ли не заглядывает ему в душу, пытаясь составить его портрет, исходя из своих наблюдений. При этом он сам не мог видеть полной картины – она парадоксально слишком интриговала его, чтобы он сосредоточился.

– Почему вы так стараетесь доказать мне, что не личность? – он вернулся на круг первый. – Что не человек? Вы же остаётесь просто дочерью для своих родителей.

Вряд ли они произвели на свет государство, не так ли? – он смотрел, как выражение её лица меняется от раздражения до понимания. Конечно, она не собиралась раскрываться ему через пять минут после начала их увлекательной беседы, но не могла скрыть некоторых эмоций на своём лице.

– Быть личностью – это привилегия. Людям в нашем положении она недоступна, – она улыбнулась, увидев растерянность на его лице. – А почему вы так жаждете увидеть во мне личность? Я настолько интересна вам?

Ему была непонятна её коллективизация действительности или одушевление неодушевлённого. Избегание любых личных разговоров. Она ведь толком ему ничего о себе не сказала. Все её высказывания обезличены, если присмотреться, – их мог бы озвучить любой лидер России. Где во всём этом она, а где – её позиция? Продираясь сквозь невообразимую тайгу, Пол Блэквелл не знал, кем ему надо стать, чтобы найти необходимую тропинку к её доверию.

– Вы интересны всем, – у него пересохло в горле.

– Хорошо вы скрываете себя за обобщением. «Я интересна всем», «моя речь понравилась всем», «все хотят»... Но не вы, – она покачала головой. – Вы очень хитрый человек, господин Блэквелл. Хотя, может быть, за вашим обобщением скрывается не сложная политическая игра, а глубокое одиночество.

– Почему я одинок? – Пол смотрел на неё с искренним любопытством, не в состоянии разгадать ни её игры, ни её

саму.

– А что вы делали вчера в том саду, подальше ото всех? Почему я часто вижу вас одного? Я наблюдала за вами: все вас знают, вы отлично со всеми ладите. Мы тут всего лишь пару дней, а вы предпочитаете спрятаться ото всех и поделиться своим пониманием реальности со мной, буквально первой встречной. Если это не манипуляция, то почему вы сделали меня, явного врага в ваших глазах, в глазах общест-венности с вашей стороны, своим собеседником?

– Вы теперь умеете смотреть на мир моими глазами? – Пол улыбнулся. – Вы мне не враг.

Её позабавил тот факт, что из всей плеяды вопросов он зацепился за самый невинный. Хотя, с другой стороны, он же и был самый поверхностный из всех, не требовал копания в себе и излишнего раскрытия. Более того, это даже был не вопрос. Получается, он вновь не собирался ни на что от-вечать.

– Тогда кого вы ненавидите по ночам?

– Я вас недостаточно знаю, чтобы ненавидеть. Тем более по ночам.

– Очень жаль.

Они замолкли. Станислава безучастно изучала интерьер помещения, пока Пол Блэквелл участливо изучал её. Он бы-ло хотел спросить у неё, действительно ли ей жаль, что он её не ненавидит, но сдержался, понимая, что тогда этот вечный круг вопросов не прервётся. Что они вновь и вновь будут

уклоняться от прямого столкновения, прикрываясь остроумными, на их взгляд, замечаниями. Никто не получит нужные ответы, никто не задаст нужные вопросы. Этот словесный морской бой даже не потопит ни одного корабля просто потому, что они играют не на той карте, где они стоят. И вот Пол смотрел на неё и не мог понять, что с ним происходит и почему вся ситуация кажется ему такой забавной.

Её молчание было для него сродни пытке громкой музыкой. Голос Станиславы Филин уже поселился у него в голове. Он проигрывал пять, десять, пятнадцать разговоров про себя, каждый раз изобретая новые исходы воображаемых диалогов. Это было настолько реалистично, что Полу казалось, будто он разговаривает с ней часами, будто он никуда не может деться, будто этот голос вскоре станет его внутренним голосом. Блэквелл страдал по собственной инициативе, потому что был падок на собирание пазлов, где не хватает нужных элементов и многое приходится додумывать.

Станислава специально не поворачивала голову обратно в его сторону. Проверяла, насколько его хватит. И когда он уже отведёт свой взгляд. Она была уверена, что он всё ждёт, когда она превратится в демона. Или самого дьявола. Что он тайно на это надеется. Потому что тогда его любопытство, его пребывание здесь уж точно обретёт смысл. «Это и правда сам Сатана», – удовлетворенно будет рассказывать Пол в кулуарах после их беседы, а все будут восхищаться его смелостью и тем, как ловко он вывел российского президента

на чистую воду.

Да и в его слова про не врага она не поверила ни на каплю. Кого он, в конце концов, пытается обмануть: себя, её, мировую систему?

– Даже не спросите, зачем я вас позвал? – Пол не выдержал, его распирало от собственной значимости.

– Мне кажется, в вашем вопросе уже заложен ответ, – она так глубоко погрузилась в размышления из-за их долгого молчания, что его голос немного обескуражил её, и она не сразу осознала, что происходит.

– Не понял.

– Вы меня позвали. Рано или поздно вы бы сказали, зачем.

– Ваше время не ценно для вас?

– Я думала, что речь должна идти прежде всего о ценности вашего времени.

Станислава предполагала, что Пол в некотором роде был нетерпелив. Особенно сейчас, когда ему так хотелось рассказать о причинах их встречи, как будто это был какой-то глубоко продуманный план. В фильмах таким нетерпением обычно страдают злодеи, пытаясь донести свои извращённые мотивы под соусом праведности (что в конце концов заводит их в сюжетный тупик, где развитие героя заканчивается). Пол Блэквелл же не услышал от неё главного вопроса, и он не понимал, почему. Интересно ли ей? Если нет, то зачем она пришла? Почему постоянно молчит? В какую игру она играет, в чью игру они сейчас в принципе играют? Кто здесь

ведущий, а кто – ведомый? Столько вопросов проносилось у него в голове только для того, чтобы он ни один не задал.

– Вряд ли вы выделили целый час просто, чтобы смотреть на меня, – Пол наклонил голову набок.

– А вы *хотите*, чтобы я просто на вас смотрела? – Станислава сделала акцент на слове «хотите», тем самым поставив Пола в смысловой тупик.

Он немного растерялся, даже смутился, что было заметно по его лицу. Более того, он замешкался и не сразу взял себя в руки, хотя Станислава совершенно такого не ожидала. Чтобы как-то смыть с себя дипломатический позор, как он сам считал, Пол решил поставить её в некомфортную ситуацию. Блэквелл улыбнулся и чуть наклонился вперёд, таким образом нарушая её личное пространство. Станислава, впрочем, снова его переиграла: она не шелохнулась, не попятилась назад, а в её взгляде не было и капли растерянности.

– Чтобы вам лучше было видно, – прошептал Пол. Говорить громче казалось глупым, учитывая, что он и так наклонился слишком близко.

– У меня прекрасное зрение, – Станислава тоже шептала и подалась ему навстречу, будто действительно собралась изучать его вблизи, а потом добавила: – Соблюдайте дистанцию. В конце концов, у меня есть ядерный чемоданчик.

– Мы с вами один день знакомы, а уже угрожаете? – их словесные полубаталии всё больше нравились Полу Блэквеллу. Ему давно не было настолько интересно во время

встреч «Группы двадцати».

– Я просто констатирую факты. Если вы факты воспринимаете как угрозы... – она всё ещё не смела отвести от него взгляд.

– Знаете, мы в своё время и без ядерного оружия надрали США задницу. Вы вроде как таким похвастаться не можете.

Станислава улыбнулась и даже ухмыльнулась. Оказывается, он умел неплохо шутить. Наконец, она отодвинулась обратно в безопасную зону, он последовал её примеру.

– Что ж, один – один, – она встала, ещё одна потенциально неловкая ситуация с нарушением личных границ ей была совершенно ни к чему.

– Я знал, что вам понравится.

– Почему?

– Интуиция.

– Значит, уже разгадали меня?

В каждой своей фразе она как будто бросала ему вызов, заставляла его разговаривать с ней дальше, при этом не ища общения. Он не до конца понимал, как именно это работает, а главное – почему он на это ведётся. Пол еле сдержался, чтобы вставить свои пять копеек и сказать, неужели она считает себя настолько открытой книгой, но понял, что это принесёт очки в её пользу, и он только замял неловкую ситуацию.

Станислава играла на его самолюбии, на его эго. Пол всегда считал себя умнее всех в комнате, а своё молчание – признаком истинного интеллекта. Он обычно точно знал, что

и где надо было сказать, где надавить и как подойти к тому или иному лидеру. Пола Блэквелла часто показывали в новостях, он был любимчиком публики, символом западной дипломатии и её «праведного» пути. Появлялся тогда, когда уже, казалось, всё пропало, и договаривался. Не то чтобы он был искусным миротворцем, которого никогда не видела планета, вовсе нет. Блэквелл окучивал диктаторов, тех, которые, по мнению Запада, отбились от рук и мешали работе существующей системы. Это была его специализация. Он умел находить точки соприкосновения, слабые места правителей и выпытывать их тайные желания одной лишь силой своего обаяния. Добивался того, чего хотел Запад (чаще – только Вашингтон) – и не всегда это был мир. Главное, чтобы визуально на определённое время, пока обо всём не забудет пресса и общественность, всё выглядело хорошо, а дальше вновь звучали пулемётные очереди, но это уже было неважно. Иногда (а в последнее время – всё чаще) его отправляли на переговоры и к союзникам Вашингтона, обычно по экономическим вопросам. И вот здесь он был абсолютным любимцем. За свои заслуги Пол Блэквелл получил обложку Time, лайки в соцсетях и всемирное признание. В принципе, так он и стал премьер-министром Канады. Вполне возможно, что с такой репутацией он мог бы стать и президентом США.

Конечно, подобная слава не могла не сыграть с ним злую шутку – он ещё сильнее уверовал в собственную дипломатическую всесильность. Новый российский президент же лома-

ла его картину мира – прошёл уже день, а он, на самом деле, ничего и не разгадал, хотя раньше ему хватало куда меньше времени. В их разговоре он строил свои выводы и пытался искать подходы к ней только лишь на предположениях, догадках, где не знал точного результата. Впрочем, предыдущего российского лидера он тоже так до конца и не понял.

– У меня есть для вас предложение, – наконец, вымолвил он.

– Неужели? – саркастически спросила Станислава и посмотрела на него, оторвавшись от той картины, которую Пол разглядывал, когда она вошла в помещение.

– Знаете, такое ощущение, что вы встретились со мной, лишь бы не встречаться с кем-то другим, – он вновь отсрочил объявление причины их разговора. На самом деле он просто хотел, чтобы она перестала над ним издеваться. При этом почему ему это было важно, Пол не понимал. Разве он не привык к показному безразличию и даже презрению?

– Вы будете этим заниматься, пока я вас прямо не спрошу? – Станислава разочарованно выдохнула. От её игривого настроения не осталось и следа. – Что вам от меня нужно?

Филин считала себя терпеливой и неконфликтной женщиной. Если тщеславному человеку нужно удовлетворить своё эго, чтобы они быстрее перешли к делу, она уступит. В конце концов, для неё это ничего не стоило, её самооценка не страдала от «сдачи». Иногда у неё было настроение для подобных игр, когда она принципиально не шла на уступки, и в на-

чале их разговора она уже было подумала, что сегодня как раз такой день. Но чем дольше шла эта встреча, тем больше она понимала, что Пол Блэквелл ставит пьесу, где для неё нет роли.

Канадский премьер-министр слегка улыбнулся и опустил глаза, ликуя в глубине души, как маленький мальчик, которому только что купили последний шарик его любимого зелёного цвета. Он вновь посмотрел на неё.

– Я хочу помочь вам. Помочь всё исправить. Наладить взаимоотношения со странами Запада. По крайней мере, начать новую главу.

Станислава округлила свои глаза на его тирады, больше напоминающие успокоение для психически больных людей. Таких предложений она точно не ожидала, но день явно переставал быть томным. По крайней мере, для президента России.

– И с чего вы решили, что мне это нужно? Что я преследую подобные цели?

– Разве это не то, что вы говорили в своей речи вчера? Что конфронтация никому на пользу не идёт и что надо всегда оставлять заготовки для построения мостов?

– А, вы про ту речь, которая вам на самом деле понравилась, но вы этого не сказали, потому что такое признание поставило бы вас в неловкое положение?

Пол улыбнулся и чуть наклонил голову набок, не ответив на её замечание, но и не разрывая зрительного контакта. Хо-

тя он и смотрел на неё снизу вверх, потому что сам сидел, она этого не чувствовала – более того, ей казалось, что всё совсем наоборот. И дело было вовсе не в том, что она ощущала себя некомфортно рядом с ним, а потому, что он владел искусством правильного взгляда гораздо лучше неё.

– Как я и сказал, я не желаю вам зла, госпожа президент. И я преследую такие же благородные цели, что и вы. Я согласен, что конфронтация никому на пользу не идёт. По правде говоря, все от неё уже устали.

Станислава положила руки на бёдра и сделала несколько шагов назад в сторону своего кресла.

– А с чего вы взяли, что Западу нужна новая глава? – Филлин села, закинув ногу на ногу.

– Мне кажется, вы вновь задаёте очевидные вопросы, на которые сами знаете ответы, – Пол улыбнулся.

Станислава лишь пожала плечами: вряд ли ему бы понравились её ответы. Он продолжил:

– Я много с кем общаюсь и много кого слышу. Предполагаю, что выражаю народные чаяния.

– Я думала, что в вашем «сообществе» эта миссия возложена на Оливера Уотерса, – Станислава не могла воспринимать его слова всерьёз. Не считала необходимым.

– Во-первых, я хочу, чтобы вы поняли. Я назначил эту встречу по своей личной инициативе. У меня не было такого в планах, когда я ехал сюда, я вообще не собирался с вами разговаривать. Но потом я вас послушал... Я вас услышал.

И не только я.

– А во-вторых?

– Во-вторых? – Пол тут же вспомнил. – Во-вторых, Канада – независимая страна. У нас есть и свои собственные интересы.

– Невероятно, – она издевалась над ним, и он это прекрасно понимал.

– Я притворюсь, что не слышал этого явного оскорбления, – лицо Пола при этом оставалось невозмутимым.

– Почему я не могу поверить ни единому вашему слову? – Станислава сузила глаза и покачала головой.

Пол усмехнулся и в конце концов засмеялся. Со стороны это действительно выглядело как отчаянная попытка склеить чашку, при том что нет клея и не хватает осколков. Как бред сумасшедшего. Как первоапрельская шутка.

– Вы абсолютно правы в ваших доводах. Вам не стоит мне верить. Я бы не поверил. Но что есть история, если не список людей, которые сделали что-то не благодаря, а вопреки?

Станислава улыбнулась: его попытки попасть в историю и играть на её самолюбии были смешны, если не оскорбительны. Хотя, может, он говорил о себе.

– Не могу пока что найти конкретно вашу выгоду от этого. Какие независимые интересы заставляют вас встать на пути этого скоростного поезда истории и кинуть себя на амбразуру?

Услышав её метафоры, Блэквелл нахмурился, но выбрал

не комментировать их.

— Канада могла бы быть посредником в данной ситуации, для нас это было бы несложно, в конце концов, нам много кто доверяет. Запад бы принял такой вариант, вопрос только, примете ли вы. — Пол замолк ненадолго, обдумывая, сказать ли дальше то, что он собирается. Видя, что его предыдущие аргументы её явно не впечатлили, решил продолжить: — Скажу вам откровенно: для Канады это было бы выгодно, особенно если восстановление отношений по оси Россия — Запад увенчается успехом. Дипломатическая победа подобного масштаба определённо положительно отразится на репутации любого причастного. Возможно, даже, знаете, с какого-то рода премиями. В том числе и за личный вклад.

Филин не смогла сдержать усмешку и поджала губы. Он явно жаждал получить Нобелевскую премию мира за свою гениальную идею.

— Вам не кажется, что мы придаём слишком большое значение оценочным мнениям непонятных людей, которые выдают всякого рода атрибуты «праведного» пути: обложки Time, Нобелевские премии мира, награды фондов борьбы за что-то или против кого-то? Так много раздают ненужного барахла, а мир как разваливался на части, так и разваливается.

Пол Блэквелл не до конца понял, говорила ли она в целом или пыталась задеть его, ведь многие из этих «атрибутов» — от премий всяких фондов до обложки Time — у него

имелись. Более того, он ими гордился. В любом случае Пол не угадал: она совершенно не интересовалась индивидуальными наградами. И судя по её тираде и выражению лица, вообще их презирала. Это не совсем входило в его планы: он надеялся сыграть на тщеславии, с ним быстрее всего получится добиться своих целей. Как оказалось, из них двоих тщеславным был именно он. В конце концов, поощрение своих трудов он очень и очень любил.

– Вы не совсем беспристрастны для посредника. Вы такая же часть конфликта, как и весь остальной Запад, – сказала Станислава. – А если посмотреть на список санкций... Можно сказать, что вы даже более враждебны, чем некоторые.

– Возможно, вы правы. Но у нас поменялось правительство, и у меня более нет желания продолжать то, что начали до меня. Предполагаю, что здесь мы с вами похожи, – Пол смотрел на неё, но она на него – нет. И молчала. – Я даже из другой партии.

В этот раз Станислава обратила на него своё внимание – хотела проверить, верит ли он сам в убедительность этого аргумента или вопрос партийной принадлежности пришёл к слову. Филин вообще разницы не видела: консервативная партия, либеральная партия, зелёные, серо-буро-малиновые – какое это имеет значение, если он уже год у власти, а произошло ровно ноль подвижек в их взаимоотношениях. К тому же он министр иностранных дел прошлого

правительства, хоть и коалиционного, так что где эта волшебная черта смены политических взглядов? Где иллюзорная беспристрастность страны, которая пристрастно принимала столько решений для сжигания мостов, сколько, возможно, ни одна другая? Насколько вообще искренни его желания, что он действительно хочет? Станислава так и не поняла плюсы для Канады, кроме личных выгод главы правительства.

– Не делайте этого, – внезапно сказал Пол.

– Что?

– Я предлагаю вам выход из тупиковой ситуации, фактически вырезаю дверь в стене. Между прочим, в некоторой степени во вред собственной репутации. Не отказывайтесь только потому, что я вам не нравлюсь. Я смогу донести вашу позицию до всех западных стран и помочь достичь компромисса. Не думаю, что от попытки что-то нормализовать станет только хуже. Куда уж хуже... – он добавил это шёпотом и на секунду замешкался, после чего, впрочем, бодро продолжил: – Понимаю, мои мотивы вам не совсем очевидны, но тут вопрос национальной безопасности. У нас всего один сухопутный сосед, а тот враждует с вами, своим морским соседом. И с другим условно морским соседом. В любом сценарии развития событий мы – первая страна в категории «сопутствующий ущерб».

Станислава задумчиво закивала, намекая на то, что в некотором роде он был прав. Впрочем, это не отменяло её

озабоченности его предложением, но, по крайней мере, стало яснее. Очевидно, что Филин – непредсказуемая переменная в их уравнении, непонятно, что она хочет и какие цели преследует. Так что, может, этот десант с Полом Блэквеллом – какого-то рода прощупывание почвы, чтобы понять, на что можно рассчитывать в ближайшие шесть лет.

– Мне нужно подумать над вашим предложением, – наконец, ответила Станислава.

– Конечно.

– Позвоните через неделю. Надеюсь, вы помните номер?

– Я смотрю на него на своём столе практически каждый день, – саркастически заметил Пол.

Станислава усмехнулась и встала. Пол последовал её примеру.

– Спасибо за интересный разговор, – Филин протянула ему руку для рукопожатия.

– Спасибо, что согласились прийти, – Пол пожал ей руку, но не сразу отпустил. – Знаете, вам бы она пошла. Нобелевская премия мира.

Станислава вскинула брови наверх и разомкнула их руки, но ничего не сказала на его странное замечание, направившись к выходу. Около двери она на секунду остановилась и повернула голову в его сторону.

– Я никогда не говорила, что вы мне не нравитесь, Пол, – впервые Филин назвала его по имени, что даже в некотором роде напрягло канадского премьер-министра. Но прежде,

чем он придумал, что ей ответить, она уже закрыла за собой дверь.

Глава 2.

Теллурократия

Русская женщина всегда одинакова: и в городе, и в деревне она что-то вечно ищет, какую-то потерянную булавку, и никак не может умолчать, что находка этой булавки может спасти мир.
М. Салтыков-Щедрин

Вид из окна в Кремле никогда не был таким мрачным.

Станиславе всегда казалось, что если она выиграет эту гонку за место именно в этом кабинете, именно в этом московском Кремле, то вид из этого конкретного окна будет совсем другим. Но вот спустя несколько месяцев она окончательно поняла, что особых фильтров у окна нет. А значит, что вся реальность была доступна и никто волшебные розовые линзы ни в какие башни Кремля не вставлял. Тогда почему они находятся в такой мрачной точке действительности, где начинается очередная глава «всех против всех» в мировом масштабе?

Бесконечные круги по кабинету не дали ответа на вопрос, что и зачем она здесь делает. У неё не было возможности над этим подумать: ни во время предвыборной кампании, ни во время переходного периода, ни во время всех её многочисленных встреч. С одной стороны, всё было вполне есте-

ственно и объяснимо. Даже предсказуемо. Своеобразный карьерный рост, вершина её политической карьеры, о которой она могла бы только грезить. Тем не менее её очень беспокоил тот факт, что она не до конца была уверена в правильности своего пути (особенно после оконных откровений). Хотя и не могла себя представить где-либо ещё.

Мир, привычный ей, менялся со стремительной скоростью. Не то чтобы он рушился. История ведь любит баланс – одно заменяется другим. Но Филин казалось, что при огромном желании что-либо исправить она лишь сторонний наблюдатель всей вакханалии вокруг. Что она может лишь оберегать от хаоса, а не остановить его и что в конечном итоге всё случится так, как положено.

Фатализм был очень русской чертой, по её мнению, и со всей своей русской противоречивостью он был ей присущ. Она верила в судьбу, но ровно до той степени, пока судьба не начинала мешать её планам. Две вещи были для неё предрешены: однажды она перестанет быть главой государства, и однажды она умрёт. Это может произойти в один день, чего она ни в коем случае не боялась. Но вот что она умрёт прежде, чем поможет этому миру – такого исхода событий она не могла бы простить року ни в коем случае. И кругами огибая свой кабинет с опущенной вниз головой, она лишь думала о том, что выход из всей этой тупиковой ситуации, конечно, есть. Станислава просто пока его не видит.

Двери распахнулись, и к ней в кабинет буквально вплыл глава Службы внешней разведки – а по совместительству её сводный брат – Олег Илларионов. Он был человеком статным, одетым всегда даже чересчур опрятно, дорого и с иголочки: на его пиджаке нельзя было обнаружить и пылинки, ботинки были вычищены до блеска, рубашки идеально выглажены. При этом Олег был достаточно крупным мужчиной, высоким, часто сутулился, будто за столько лет не привык к своим размерам и стеснялся их. У него были грубые черты лица, на котором постоянно присутствовала лёгкая щетина. Он рано начал седеть, но категорически отказывался краситься, отчего на его тёмных волосах были очень хорошо заметны серебристые вкрапления. И с каждым свиданием с ним Станислава отчётливее замечала, как время безжалостно обыгрывало его, и седина была здесь ни при чём: морщины, мешки под глазами и общая усталость в самих глазах. Дело было, конечно, в его работе, которая с каждым годом пребывания на посту становилась всё сложнее, и позиции главы СВР, которая в определённой степени отягощала его, хотя Олег никогда бы себе в этом не признался.

Они были совсем не похожи внешне (и внутренне), да и с чего бы им быть похожими: их родители поженились, когда Станиславе было три года, а Олегу восемь лет. Кровное родство их никогда не связывало, кроме общей сестры, которая, впрочем, давно уже не на этом свете.

– Канадский премьер-министр набивается тебе в дру-

зья? – он сразу начал с главного. Олегу не нравилось говорить что-то не по делу, задавать проходные вопросы о погоде и вообще общаться на работе не о работе, если бы он навязывал свою компанию.

– Вижу, Настя тебе уже и докладную написала...

Станислава вовсе не обижалась на Анастасию и не переставала ей меньше доверять из-за того, что та часто выполняла роль агента её брата. В конце концов, когда Амурсанова ей сказала, что «выяснит, чей стул тут играет», она прекрасно понимала, с кем та будет это выяснять. Это частично происходило из-за желания Анастасии обезопасить Станиславу от необдуманных шагов, частично – из-за боязни совершить ошибку. «Все мы команда и боремся за общее дело», – говорила Станиславе её советница, оправдывая своё поведение. Конечно, это правда, и, конечно, Анастасия её человек. Но иногда, а в последнее время – всё чаще, Станиславе казалось, что она лишь пешка в большой игре, где все дороги и узлы не замыкаются на президентском кресле.

Олег развёл руками.

– Зря ты, она очень верна тебе, – это звучало несколько разочарованно. – Мне она сказала мало. Просто спросила, не слышал ли я о каких-нибудь подвижках в рядах западных партнёров. И что я думаю о Поле Блэквелле. Остальное – мои предположения. Верные, как я вижу.

Олег прекрасно умел работать с информацией и считать людей, о чём любил каждый раз упоминать через точ-

ные предположения. И последнее, что делали люди вокруг него, – сомневались в компетенции главы СВР.

Станислава рукой указала на стул около её стола, приглашая Олега присесть. Они расположились друг напротив друга и сразу же продолжили разговор.

– И что ты знаешь? – она сомкнула руки в замок, положив их перед собой.

– Немного. В их рядах вечно кто-то, знаешь, подаёт странные сигналы. Например, недавно звонил австралийский коллега...

– Интересно, и что хотел?

– Да так, условно спрашивал о погоде. Есть ли подвижки по делу Макдауэлла, не замечали ли мы его передвижение и так далее.

– По делу о терроризме столетней давности? – Станислава нахмурила брови, чтобы вспомнить, что имеет в виду Олег. Тот кивнул. – А разве Макдауэлл вообще когда-либо был на нашей территории? При чём тут мы?

– Нет, но когда-то давно, в другие времена, мы обещали им помочь, – Олег ненадолго замолк и пожал плечами. – Я же говорю, странные сигналы. Правда, они обычно очень быстро затухают. Кстати, не без помощи Пола Блэквелла. Поэтому я и удивлён, что он сам начал их подавать.

Олег всегда выглядел умиротворённо, Станиславу это в некоторой степени восхищало. Как будто его покой вообще ничего не могло нарушить – граната рядом с ним взорвёт-

ся, а он не моргнёт лишний раз. Даже было ощущение, что он скучает и вот-вот зевнёт от невыносимой серости окружающей его действительности. Причём он был таким задолго до того, как стал главой разведки. Станислава была уверена, что жизнь ему наскучила ещё в утробе матери.

Она продолжила:

– Так что ты о нём думаешь?

Президент поёрзала на стуле – она не могла скрыть своей заинтересованности в Поле Блэквелле. Всё-таки их две неоднозначные беседы стали самыми запоминающимися событиями её первого саммита «Группы двадцати».

– Очень тёмная лошадка. Ты же знаешь, почему он на обложке Time?

Станислава кивнула: в самолёте, на обратном пути из Кейптауна, она успела о нём почитать. В особенности статьи, которые его критиковали, – в них Пола Блэквелла называли чуть ли не разжигателем конфликтов и псевдомиротворцем на службе у дьявола, который готов уничтожить любую страну ради интересов Вашингтона. Лояльные ему издания же восхищались умением канадского премьер-министра находить язык с отъявленными (по их мнению) негодяями и возвращать их на путь истинный. Или – что более часто – обманом заставлять принять «более справедливые» (по мнению изданий) условия для государства и народа, отказавшись от части власти и допустив демократию (точнее – то, что получалось). Правда, конкретные примеры

лучшей участи стран после появления там Пола Блэквелла со своей ложью во благо почему-то не приводились. Обычно после уступок страна не попадала в список процветающих. Скорее в список несостоявшихся.

– Думаешь, его послал Оливер Уотерс?

– О, я в этом уверен. И я думаю, что есть глубинная причина, посложнее «нормализации отношений с Западом».

Станислава изначально не верила в искренность намерений Пола Блэквелла. Но слова главы разведки разочаровали её.

– Пол Блэквелл хочет приехать в Москву с неофициальным визитом.

– Как мило.

– Я ещё не дала своё согласие. Сказала, что мне надо подумать, но он позвонит на днях для...

– Пусть приезжает.

Ответ Олега несколько обескуражил Станиславу. Она думала, что он будет всячески её отговаривать от любых контактов с ним. Что будет протестовать. Отчасти она этого хотела – чтобы её отговорили. Ведь сама она решила разрешить ему приехать, ещё когда они стояли в той комнате со странной картиной. Она пыталась оставаться бесстрастной. У неё получалось плохо.

Станислава всё ещё ощущала себя неуверенно на своём посту. Не до конца чувствовала собственную позицию, собственную власть. В минуты сомнений и внутренних проти-

воречий она обращалась за советом к брату. Хотя часто сама прекрасно знала ответ.

– Разве это не покажет мою слабость? Что я так просто... буквально через считанные месяцы после инаугурации готова принять посланника Запада с сомнительной репутацией для развивающихся стран, чтобы он рассказал мне, как нам лучше жить? – она приложила два указательных пальца ко рту, оставив руки в сомкнутом положении.

Олег улыбнулся и посмотрел на неё как на любимую ученицу, которая допустила ошибку в элементарном задании, хотя решила самое сложное.

– Ты интригуешь его, правда? – вопрос был обращён в пустоту, а не конкретно ей. Олег не ждал ответа, но внимательно наблюдал за реакцией своей сестры. Станислава напряглась и нахмурилась, не понимая, к чему идёт разговор. – Искреннее любопытство нельзя подделать. Я это уже видел... в нём.

Олег замолчал. Он глядел в одну точку, будто пытаясь найти в своём архиве памяти тот самый момент, о котором внезапно вспомнил. Перебирал папочки. Станислава заметила его мимолётную улыбку, ожидая услышать историю, но он лишь продолжил:

– Пол Блэквелл падок на сложности, ему нравятся загадки. Возможно, он пока сам этого не понимает, но его интерес к тебе можно использовать в нашу пользу.

Теперь настало время Станиславы смотреть в одну точ-

ку. Она до этого момента как-то не особо задумывалась о глубине интереса к ней канадского премьер-министра. Как и о произведённом на него впечатлении. Ей было не до этого. Или некогда это проанализировать. Она не могла сказать наверняка. Пока что её больше будоражили отчёты вице-премьеров.

– Он же не глупый человек. Сколько подобных переговоров было в его жизни? Сотни? То, что он, по твоему мнению или по его мнению, не разгадал меня за один день, ничего не значит. Если я буду играть с ним в его же игру, то угадай, кто проиграет.

– Я думаю, что ты задела его самолюбие, сама того не желая. Теперь ему интересно, кто ты. Он просит встречи на твоей территории с надеждой, что ты расслабишься и он найдёт пружинку. Тут очень сложный аспект – если он поверит, что разгадал тебя сам, без подсказок, что нашёл эту пружинку... Или если он будет в достаточной степени одержим её поиском... То тогда открывается дверь в удивительные возможности.

– Ты хочешь, чтобы я стала его другом?

– Очеловечивание врага всегда приводит к сомнениям в правильности его уничтожения, – Олег вновь улыбнулся и сложил руки в замок.

Станислава не видела смысла добиваться расположения Пола Блэквелла. Или пытаться втереться к нему в доверие. Или подружиться. И что они этим достигнут? Какое кон-

кретно влияние можно через Пола Блэквелла оказывать хоть на кого-то, а тем более на Оливера Уотерса? И можно, а главное – нужно ли вообще? А если нет, что тогда? Сливать через него дезинформацию? Мелко, да и вскрыется быстро. Она просто его выслушает, чтобы понять. Чего он хочет. Чего все они хотят.

Иногда ей казалось, что Олег оперирует категориями ей недоступными, что он знает что-то, о чём она даже не догадывается, и что где-то там, в штаб-квартире СВР, уже все всё давно решили. Без неё.

– Он сказал, что я ему не враг.

– А никто вообще никому не враг. Все лишь соперники.

– Тогда кто кого очеловечивает?

– Поймала, – Олег усмехнулся. Это было ему не свойственно – шутить. Тем более на серьёзные темы.

– Ладно. Я так понимаю, у тебя есть какого-то рода план? Олег наклонился ближе к ней и игриво подмигнул.

– Ну-у, – протянул он и пожал плечами. – Можно и так сказать.

Инородный предмет. Декорация. То ли она здесь лишняя, то ли всё вокруг неё. Он здесь, конечно, определённо не вписывается. Но Станислава Филин-то что забыла в этом месте?

Лёгкое рукопожатие. Лживая доброжелательность. И её улыбка, как будто он нежеланный дальний родственник. Не может не пригласить из вежливости. Не может прогнать

из жалости. Её согласие на эту встречу само по себе парадоксально-подозрительное.

Станислава Филин вводила его в заблуждение. Вводила его в свой императорский двор через почётный караул, красивые флаги, огромные золотистые двери. Никакой помпезности, никакого проявления высокомерия. Богатство данности. В Северной Америке это бы назвали «старыми деньгами» – её манеру держаться рядом с предметами роскоши, статность, утончённый стиль и абсолютное равнодушие к вычурности.

Никакой прессы, они же договорились. Его визит настолько тихий, что он мог бы сойти за её нового сотрудника. Но что значит сокрытое в мире информационных технологий? Отследить самолёт через открытые источники не составит труда, а интересующиеся всегда найдутся. Все уже знают, что он здесь. Никто не знает, зачем. Конспирологические теории будут множиться.

– Давайте сразу перейдём к делу. Чего он хочет? – она сказала это, как только за ними закрылась дверь.

Показывать свои эмоции – не его конёк, но он был ошарашен. Он ей привёз заключённого на своём самолёте, священном канадском Борте номер один, а она даже спасибо не сказала. Да, это прикрытие. Да, он заберёт отсюда такого же заключённого. Но дерзость!

– Кто? – Пол пытался удивиться, но вместо этого улыбнулся. И надеялся, что она не подумала, что он над ней смеётся.

– Оливер Уотерс.

Она, впрочем, ни о чём вообще не подумала. Ни о насмешке, ни о его глупой попытке сделать вид, что он не понимает, о чём речь. Ей столько раз уже ввали из убеждения, что она наивна и не видит очевидного. Она просто привыкла не обращать на это внимание.

– То есть я, по вашему мнению, почтальон.

– А это не ваша обычная функция?

Пол мог и оскорбиться – если бы было на что. Если бы в её интонации была желчь или намёк на пренебрежение. Но там этого не было. Наоборот – похоже лишь на любопытность. Станислава спрашивала из чистого интереса, из собственного понимания действительности, не желая нанести урон, пусть и незначительный, его эго.

Он поджал губы и опустил свой взгляд. Хотел ответить остроумно, как-то пошутить, отмахнуться, но ничего не смог придумать. Её невраждебность сразила его, хотя она и пыталась вести себя вызывающе, поскольку была в этом плоха. Впервые за долгое время он в действительности задумался о своём положении в пищевой цепочке.

– Зачем вы приехали? – Станислава не отступала.

– А зачем вы меня приняли?

– Я не буду играть в ваши игры.

– Так я в ваших глазах кто: почтальон или гроссмейстер?

Она еле сдерживала себя от того, чтобы рассказать ему о его истинном положении в её глазах. Он – никто. Нет на-

вешанных ярлыков, которые она ему бы придумала, нет удивительных умозаключений, которые нарисовали бы его психологический портрет – нет вообще никаких дополнительных характеристик. Смешно: Пол Блэквелл решил, что его остроумно-колких замечаний хватит для места в её голове.

– Вы – премьер-министр Канады, – Станислава Филин смотрела на него, сквозь него, подсознательно или даже сознательно отказывая ему во власти. Здесь, над этим помещением, над этим разговором и над ней.

Не говоря ни слова больше, она жестом пригласила его сесть за небольшой стол. Отсутствие этого предмета интерьера в прошлые их разговоры ей совсем не понравилось. Пол ещё раз обвёл взглядом помещение, в который раз отметив для себя неестественность Станиславы в этих декорациях. Она же, положив руки на стол, терпеливо ждала завершения его визуальной экскурсии.

– Это не ваш рабочий кабинет, да?

Станислава не понимала смысл его дружелюбия, смысл его любознательности, мнимой или искренней. В ответ она лишь отрицательно покачала головой.

– Очень заметно. В этом помещении вы как бы есть, но вас как бы нет.

Пол Блэквелл сам не до конца осознавал, что и зачем несёт, но уже не мог остановить поток своего сознания. Его продуманность, его сдержанность давали трещину. Он не то что пять шагов наперёд не видел, даже следующий предуга-

дать не мог. Подступиться превращалось в оступить. И он просто приехал, чтобы узнать размер её шага и понять, кто в итоге кого догоняет.

– Вы сами-то этого хотите? Вернуться? – его попытки разговаривать её постоянно упирались не в стену, а в некое скрыто-открытое препятствие. Как приехать в страну с другой розеткой и упорно пытаться вставить туда свою вилку, которая даже визуальнo не подходит. Больше глупость, нежели смелость и целенаправленность.

– Куда? – Станислава играла в растерянность, непонимание. Даже наивность. Он не купился.

Конечно, она знала, о чём он. Вернуться в «цивилизованный мир». Или в Западный мир. Или в мир, основанный на правилах. Или любой другой мир, который Пол Блэквелл считал правильным и хорошим. Но как можно вернуться туда, где ты никогда не был полноправным членом? Чему ты, по сути, никогда не принадлежал? Да и сколько уже утекло воды, а сколько ещё утечёт. Зачем он вообще говорит о неосуществимых идеях, если сам, конечно, не считает, что непринадлежность к правильному равно изоляция.

– Я вас понял, – ему стала очевидна ошибочность своего вопроса. И недостаток собственных знаний. Абсолютная некомпетентность. А Стивен ван Клифф его предупреждал.

– Я хочу прежде всего снизить накал напряжения, господин Блэквелл. Эскалация... – она покачала головой. – ...знаете, миру не поможет. Очень просто жить в идеологии вечно-

го противостояния с политической точки зрения. Все ошибки легко прощаются из-за этого, всё выстраивается вокруг этого. Сильные эмоции заглушают рациональность. Потому что всё ясно: вот враг, а вот друг. Ненависть и любовь. Это, конечно, соблазнительно. Но далеко на этом не уедешь, долго на этом не проживёшь, – Станислава на секунду задумалась о собственных словах, и Пол даже заметил некую грусть в её глазах.

– Многие бы предпочли простую жизнь. Чёрно-белую.

– Простая она в одностороннем порядке, когда ты живёшь в пузыре. Противостояние – это всегда сложный механизм с точки зрения взаимоотношений. Для вас моё чёрное – это белое, а моё белое – это чёрное. И наоборот. Получается, вне зависимости от наших попыток строить нормальный диалог без оглядки на собственное происхождение, мы всегда будем считать, что лжём друг другу. Хотя у нас просто разное мировосприятие. Но чтобы это понять, нужно проделать очень кропотливую работу над собой и научиться слушать. Проще не слушать. Проще – закидать помидорами, заклеить, определить лагерь, назвать врагом. Это же интереснее. Людям сложно свыкнуться с мыслью, что они включают репрессивный аппарат, пытаясь подвести всех под единый стандарт, который невозможен без полного уничтожения сторон с противоположным мнением.

Она отвернулась. То ли вновь задумалась, то ли не хотела на него смотреть. А вот Пол очень хотел на неё смотреть.

Вглядываться в каждый сантиметр её тела. Вдруг совершенно случайно он найдёт брешь в её самозащите.

– Думаете, я не смогу вас услышать и понять? Думаете, я хочу вас уничтожить?

– Вы уже меня не понимаете. А уничтожение... – она повернулась к нему обратно и покачала головой. – Это не вопрос желания.

– Но я... – он резко сам себя оборвал. Она ставила его в тупик. В смысловой и обычный. Пол чувствовал себя дураком, но сам не понимал, с чего бы. Если Станислава Филин действительно была наполнена меланхолией сверху донизу, то почему ему так сложно было её поймать?

Станислава не давила на него, предоставляя время продумать свои следующие слова очень тщательно. В её взгляде не было злости, раздражения или даже заинтересованности. Там было простое, обыкновенное безразличие. Казалось, что она очень далека от их разговора, спряталась в своих мыслях или проблемах, о которых Пол Блэквелл просто не мог знать.

Сколько «если бы» проносилось в его голове. Сколько вариантов этой беседы он прогнал уже перед их встречей. Сколько придумал замечаний, остроумных комментариев и шуток для разряда обстановки. Сколько репетировал, как будет представлять ей свой – как он сам считал – гениальный план, которым настолько доволен, что не мог не перестать улыбаться. Правда, теперь он даже и не знал, что ей сказать. Потому что получилась, что Станислава ему не верит. Зара-

нее.

– А какие ваши желания? – он впервые спрашивал это у неё. Станислава Филин постоянно интересовалась о том, чего он хочет, но он – никогда.

– Исполнение моих желаний вам недоступно, – с ответом она не медлила.

– И узнать их я не могу?

– Зачем вам их узнавать, если не в состоянии воплотить в жизнь? – Станислава посчитала, что это прозвучало грубо и вызывающе, поэтому решила сгладить всё лёгкой шуткой: – И вообще, это плохая примета.

«Суеверная», – подумал Пол и усмехнулся. И оскорбился. В глубине души. Отчего-то очень сильно он совершенно не хотел, чтобы Станислава Филин думала о нём как о немощем человеке. Точнее, мужчине. Его мимолётное желание оказалось проще некуда и сложнее всех задач одновременно: чтобы она увидела в нём всесильного мужчину. Но кому и зачем это было надо, он пока не готов был понять.

– Так что, вы так, поболтать приехали или по делу? – своим вопросом она спасла его от провала в бездну внутренних терзаний.

Пол сразу улыбнулся – упоминание дела вернуло его к жизни.

– Я всегда восхищался вашими успехами в Африке. Вашим влиянием. России, я имею в виду. Конечно, благодаря...

– Благодаря, – она его прервала, намекая на то, что не надо ей объяснять причину.

– И я долго думал. О том, как возобновить диалог России и Запада. Мне кажется, я нашёл потенциальную точку соприкосновения, которая может превратиться в тропинку возврата.

Она сразу поняла, о чём он. Но молчала. Пол Блэквелл видел в её взгляде некое разочарование, насмешку. Он хотел, чтобы она сама спросила его, высказала предположение. Ему нравилось говорить намёками и подтекстами, но она, удивительный знаток скрытых смыслов, заставляла зачем-то всё разжёвывать.

– Мафазиму, – наконец, сказал Пол Блэквелл. Филин улыбнулась. Впервые с тех пор, как они начали разговор.

Небольшое государство в самом сердце африканского континента. Из-за него может посыпаться весь регион и начаться большая война. Пару лет назад там обнаружили огромные залежи редкоземельных металлов. Естественно, сразу нашлись заинтересованные в их добыче транснациональные корпорации (в основном западного происхождения). На кону стояли большие деньги. И большие контракты, которые были успешно заключены с правительством Мафазиму на разработку месторождений, где властная верхушка получала неплохие дивиденды (простые люди остались, конечно, в стороне, их благосостояние практически не изменилось). На этом фоне страна пережила пару государственных

ных переворотов, утонув в коррупционных скандалах. И Запад они не волновали, пока соблюдались контракты. Но последние изменения во власти оказались кое-кому совсем не по нраву. Новый глава государства Сесиль Макамбо национализировал месторождения и в одностороннем порядке разорвал контракты со всеми зарубежными предприятиями. Он предложил заключить их снова, но на новых условиях. Или покинуть рынок Мафазиму. На это согласились пойти только китайские компании, которые стали единственными зарубежными игроками в стране (в дополнение к этому в Мафазиму готовилась начать работу и российская компания).

Теперь страна находилась на грани гражданской войны, так как против новой власти выступали местные военизированные группировки, имевшие контракты с зарубежными транснациональными корпорациями на охрану предприятий и получавшие неплохой процент – официально – для «поддержания безопасности». По данным российской разведки, Запад до сих пор платит таким вот ЧОПам для «охраны» своих вложений – к месторождениям компаний не подойти, так как «охранники» сразу же открывают огонь на поражение. И, как следствие, западные компании не могут зайти на эти месторождения и начать их разработку (хотя в этом заинтересованы несколько компаний из Латинской Америки), а выгнать военизированные банды с рудников, чтобы прекратили обстрелы, у самого Мафазиму возможностей

и ресурсов нет. Конечно, западные компании всё отрицают и обвиняют правительство в рэке, утверждая, что это люди Макамбо захватили месторождения и никому не дают там работать. Дополнительная проблема заключалась в том, что некоторые месторождения находились на границе с соседними странами, а там контракты никто не разрывал. Но все работы на них сейчас приостановлены из-за невозможности спокойно вести дела в регионе. Поэтому теперь на Мафазиму обижены ещё и соседи, готовые под эгидой Африканского союза ввести на территорию страны войска – для общего блага, естественно, чтобы снести действующий военный режим и назначить тот (конечно, на время), который позволит западным компаниям работать дальше. А военизированные группировки из Мафазиму тем временем, как говорят, воспользовавшись ситуацией, успели осесть на некоторых временно неработающих месторождениях в соседних странах. И собирались отбиваться.

Станислава понимала, что предлагает ей Пол Блэквелл. Помочь западным компаниям вернуться. Через организацию переворота или договорённость с властью – было не совсем ясно.

– А ваша способность заклинателя диктаторов уже не работает?

Пол Блэквелл ухмыльнулся. «Заклинатель диктаторов» с её стороны звучало почти как комплимент. Хотя он вновь не понимал, издевается ли она над ним или же вообще

не вкладывает в свои слова никакого особого смысла.

– Везде есть свои ограничения. Макамбо наслышан обо мне и видеть меня особо не хочет. Более того, он очень враждебно настроен по отношению к любому западному посланнику. Но вы...

– И что вы от меня хотите?

– Выступите посредником, – Пол на секунду замолчал, но потом решил объяснить всю логическую цепочку своего предложения. – Как я уже сказал, я долго думал над тем, что теоретически может сыграть условную роль в примирении. Мафазиму сейчас очень взрывоопасная тема. Лично знаю, что в США большой кипиш по этому поводу – все ищут любое решение, всё-таки в основном там были американские компании. Напрямую к вам президент США никогда не обратится из гордости, хотя и знает, что вы самый простой и короткий путь решения проблемы. Но мне кажется, что в данном вопросе он ведёт себя не совсем рационально. Вы хотя бы донесёте до Макамбо озабоченность компаний, и, может, он послушает вас и пойдёт на попятную. Никто не хочет, чтобы это в итоге закончилось кровопролитием.

Странно, что он это упомянул, ведь об этом они пока не говорили от слова «совсем».

– Господин Блэквелл, эта «проблема», как вы её называли, очень легко решается. Вы заключаете новые контракты на условиях нового правительства. Наши китайские партнёры так и сделали. И, как видите, спокойно работают. Мы са-

ми скоро начнём там работу.

– Госпожа президент, смею заметить, что тут вы говорите о разных обстоятельствах. Всё-таки вы и ваши китайские коллеги не перезаключили контракты, а подписали новые, потому что, насколько я помню, не успели подписать свои с предыдущей властью. Условно вы ничего не потеряли, потому что не успели ничего вложить. В случае с американскими компаниями вопрос вложений огромных средств стоит особенно остро. Это естественно, что они не хотят нести убытки.

Станислава разочарованно выдохнула.

– Убытки американских компаний – не моя забота. Из-за действий США российские компании в своё время потеряли сотни миллиардов долларов. Не вижу никакого смысла и желания защищать интересы западных ТНК, а не Мафазиму. Давайте по-честному: условия ваших компаний для страны такие себе, все сливки получаете вы. Попахивает неокOLONиализмом.

Пол пожал плечами. Конечно, он понимал слабость своего аргумента в её глазах. Понимал он и то, что действующая власть в Мафазиму вполне выгодна для российского президента. А также осознавал, что даже перспектива снятия санкций для неё конкретно не та сладкая конфетка, за которой она тут же побежит. Но в силу своего характера всё равно был уверен, что план у него был отличный и очень соблазнительный.

– Станислава, – фамильярность как провокация, как будто они старые друзья. – Вы же понимаете, что на кону стоит больше, чем деньги. Во-первых, контракты не должны зависеть от тех, кто там сидит в правительстве. Во-вторых, если США не смогут восстановить работу своих компаний в Мафазиму на прежних условиях, то это создаст неприятный и опасный прецедент. Получается, любая страна в текущих условиях может уверовать в национализацию, не боясь ответных мер со стороны американцев. Это рискует превратиться в эпидемию. Тут вариантов в целом немного. Договорённость или защита репутации и интересов. Любыми способами.

Он намекал на бомбёжки, если не на вторжение, она прекрасно осознавала это. Голосование в ООН по вводу войск провалится, Россия и Китай наложат вето. Остаётся одно из двух – пара «миротворческих» операций или гражданская война, развязанная через свои прокси. И то и другое приведёт регион в запустение. Хаос. Гуманитарная катастрофа. Ещё одна страна-невидимка. Расхлебывать придётся десятилетия. Добывать редкоземельные металлы там не сможет никто примерно столько же.

– Я думала, ваше любимое средство – это санкции, а не кувалда, – Станислава скрестила руки на груди.

– Это было бы эффективно, если бы не было бессмысленно. Хотя не отрицаю, что пара списков может нарисоваться. Бессмысленность и беспощадность этих мер заключалась

в том, что любое введение запретов ставило под сомнение возможность продолжать там работу для самих американских компаний. Они же всё-таки ставят перед собой цель вернуть вложения, а введя санкции, с вероятностью в девяносто девять процентов они их больше не увидят. Как, впрочем, и месторождения, на которые окончательно и бесповоротно присядут компании из стран поумнее. А это ещё не учитывая тот факт, что США уже пытались сместить Макамбо, но у них не вышло: оказалось, что его поддерживает гораздо большее количество людей, чем казалось на первый взгляд.

Кроме всего прочего, насколько Станислава понимала ситуацию, вопрос ТНК ещё как-то связан и с избирательной кампанией самого Оливера Уотерса.

– Пока что я слышу от вас одни угрозы, а не конструктивные предложения, – Станислава нахмурилась.

– Если вы решите ситуацию с Мафазиму, то официально для общественности станете миротворцем, остановившим потенциально крупнейший современный военный конфликт в Африке. А неофициально окажете большую услугу президенту США по сохранению лица. Это дорогого стоит. А я договорюсь с ним о том, чтобы Запад пересмотрел свой внешнеполитический подход к России. Со всеми вытекающими. Если вы беспокоитесь по поводу моей выгоды, то здесь всё очень просто. Вы будете выступать посредником со стороны правительства Макамбо, а я – со стороны западных компа-

ний, ну или оппозиции. А мы уже с вами договоримся.

Станислава рассмеялась. Тихо, закрыв лицо руками. То ли чтобы ему не было так неловко, то ли потому, что сама не ожидала от себя такой реакции. На лице Пола же была растерянность: он совсем не понимал, как ему на это реагировать. А президент России просто осознала, что он приехал к ней с пустыми руками. И хотя ей казалось изначально, что Пол Блэквелл действительно выполняет роль почтальона, теперь она даже не была уверена, что почтовое отделение в лице Оливера Уотерса в курсе этого отправления.

– Пол, – успокоившись, сказала Филин, скопировав его манеру лживого сближения. – Я всё-таки президент России, а не губернатор американского штата. Если у вас нет никаких предварительных договорённостей, я не буду с вами обсуждать гипотетические действия. Мы помним, чего стоят ваши «обещания», поэтому я не понимаю, зачем вы мне сейчас всё это рассказывали. Не надо меня только пугать вот этими вот «любыми способами», «защитой интересов». Если какие-либо западные войска ещё не там, значит, есть причина, почему. Значит, на данный момент эта опция недоступна. Не исключаю её возможность в дальнейшем, но тем не менее... Я ничего делать не буду, пока вы мне не покажете серьёзность своих намерений.

Она говорила очень спокойно, как будто заранее всё обдумала и придумала. И как будто была готова ко всем возможным исходам. Если бы она была акулой, которую так не ожи-

данно выпустили из неволи в открытое море.

Пол не ожидал от неё такой прыти и такой уверенности. Он считал себя опытнее неё, особенно – в вопросах международных отношений, учитывая, сколько он ими занимался, а она буквально вчера взошла на свой престол. И теперь оказалось, что она умеет вести и переворачивать с ног на голову переговоры не хуже него, и он был даже готов забрать назад свои слова о том, что она не вписывается в это помещение и его реальность.

– И что вы хотите?

– Даже не знаю. У вас есть несколько тысяч предложений, и все они перечислены где-то в списках американского казначейства. Я вас ограничивать не буду. Попрошу только что-нибудь для людей, ну, и помасштабнее, понимаете? Чтобы заметили. После этого мы с вами будем уже разговаривать предметно.

Станислава не верила в его способности, поэтому не давала конкретики, чтобы не обозначать точки давления, актуальные для её правительства. В любом случае это всё равно была идея Олега. Услуга за услугу, если он что-то попросит.

– Я подумаю над этим, – только и сказал Блэквелл.

Его победоносный настрой несколько спал, когда она почему-то стала ставить ему условия, хотя он и был уверен, что стоит лишь показать красивую, блестящую вещь, и Станислава, словно сорока, тут же полетит её хватать. Следовало бы догадаться, что ей импонирует совершенно другая

птица.

Впрочем, она не отвергала его предложение, не отказалась от него из-за гордыни или мнимой убеждённости, что ей и России ничего такого не нужно. Пол знал, что санкции портят жизнь. Он просто не думал, что Станислава Филин захочет авансирование. Всегда в любых переговорах Блэквеллу по большей части хватало обещаний – они работали вне зависимости от того, с кем он разговаривал – с новоявленным диктатором или новоизбранным лидером. Обещать он умел красиво, а исполнять всё это было необязательно. И как люди продолжали ему верить?

– Я так понимаю, личные санкции вас не интересуют, – вообще-то он не собирался говорить это вслух. Внутренние размышления вырвались наружу.

– Вопрос привилегии личности мы с вами уже обсудили в прошлый раз.

Пол странно улыбнулся, словно у него в голове родилась какая-то навязчивая идея. Станиславу искорки безумия в глазах канадского премьер-министра не просто смущали – пугали. На самом деле Полу Блэквеллу показалось, что он наконец-то что-то уловил. Отдалённые очертания её характера.

– А можно задать вам личный вопрос? Как неличности?

Станислава усмехнулась. В Поле Блэквелле всё же было нечто привлекательное, располагающее к себе. Она начала понимать, почему он не вызывал раздражения у столь мно-

гих людей. Почему с такой лёгкостью находил общий язык с разными лидерами мнений и государств.

– Попробуйте.

Она пыталась отказать себе в мысли, что ей было интересно наблюдать за его попытками докопаться до сути. Что он её интриговал. Что он был ей любопытен. В голове Станиславы на секунду даже пронеслось опасное – что она подтолкнула бы его к правильному пути для раскрытия собственных тайн, из-за увлечённости процессом его мышления. Из-за любопытства, какие же шаги он предпримет дальше.

– Вы всегда хотели быть главой государства?

– Разве это имеет значение? – ответила вопросом на вопрос, что было для неё не очень остроумно.

– Значит, не хотели, – Пол Блэквелл всегда умел отлично считывать подтексты. Хотя с ней это получилось в первый раз.

– Думайте что хотите, – ей стало некомфортно, что он так быстро всё понял, что так виртуозно залез в одно из её слабых мест. В признании которого она сама себе отказывала.

– Почему вы им стали?

– Потому что меня выбрал народ.

– То есть это выбор народа, а не ваш? Народ привёл вас в это кресло?

– А разве не так работает демократия? Мнение людей выше всего. Большинство заглушает голоса меньшинства.

– А вы – меньшинство?

У Станиславы внезапно образовался ком в горле. Она не уверена, понял ли он сам, что задал самый страшный вопрос в её жизни, практически подобравшись к её секрету. Которого она стыдилась больше всего на свете и из-за которого порой просыпалась в холодном поту. Она и правда была меньшинством.

Станислава Филин не голосовала за себя на выборах. В первом туре она отдала голос одному из своих оппонентов, потому что не верила в свои силы. Во втором туре она испортила бюллетень, так как не считала себя подходящим человеком на это место, как и своего соперника. Она все ещё отчётливо помнила, как отправила бумагу в урну для голосования, вышла к журналистам и на вопрос, за кого вы проголосовали, с улыбкой сказала, что есть тайна голосования. В ответ кто-то крикнул ей: «За себя?», а она не нашла ничего лучше, кроме как улыбнуться ещё шире и зачем-то кивнуть, шепнув: «Это будет наш секрет». Людям такое заигрывание почему-то понравилось, а ей было тошно.

Её пугало не само действие, а собственные мотивы. Когда-то давно она очень хотела стать президентом, потому что искренне верила, что точно знает, что и как делать, как всё исправить. Последние десять лет она работала на этот «трон», пытаясь быть его достойной. Но как только перспектива получения высочайшей должности в стране действительно оказалась почти осязаема, Станислава Филин внезапно испугалась этой позиции. Этой власти. Этой ответствен-

ности. Ей стало страшно, что вместо исправления она всё испортит и разрушит. Что она в президентском кресле ничего хорошего стране не даст. Но кому бы она об этом сказала? Людям, которые ей поверили? Которые за неё боролись? Поэтому, заняв второе место в первом туре, она возликовала. А выиграв второй – расплакалась. Но совсем не от радости.

Неуверенность в себе и своих силах оставалась её главной слабостью, которая порождала бесконечные размышления о собственной судьбе в контексте мира. Она не понимала, что ей делать с историей, потому что не понимала, что сама делает в этой истории. И почему из всех возможных кандидатов на пост президента выбор пал именно на неё.

Однажды Станислава спросила у Олега, что она делает в Кремле и почему Георгий Чернов, предыдущий глава российского государства, выбрал именно её. На что глава СВР ответил, что её выбрал народ Российской Федерации и ей нельзя об этом забывать. Филин самой так было в некоторой степени проще: муки выбора – в руках народа, а она – фаталист. Ведь тогда получалось, что вне зависимости от решения бывшего президента, её брата и его связей, предвыборной кампании, её галочки в бюллетене и даже собственного желания, Россия всё решила за неё. Значит, так тому и быть. Значит, это было предрешиено.

Но насколько предрешиено? Возжелала ли она стать губернатором Тюменской области, потому что кто-то этого захотел? Как долго за ней следили и как быстро приняли реше-

ние? Кто был её конкурентом? Может, Анастасия тоже появилась в её жизни не случайно? Ведь это именно она убедила её идти на губернаторские выборы. И так каждый раз. Станислава задавала эти вопросы самой себе постоянно, пытаясь понять, сколько выборов принадлежали лично ей и не является ли её путь к власти с самого начала особым проектом, автора которого она даже не знала лично. Проектом, над которым она не имеет власти.

Подсознательно, не голосуя за себя, она и отказывалась от позиции «проекта». Не голосовать был её собственный выбор. Но теперь на её плечах было слишком много ответственности, чтобы принимать единоличные решения, а она не абсолютный монарх.

Пол ждал её ответа, а Станислава молчала и смотрела сквозь него. В этот самый момент он бы очень хотел прочесть её мысли, чтобы понять, куда ударил его вопрос. Вместе с этим он боялся спугнуть её, ведь первая линия обороны начала падать.

Станислава через некоторое время усмехнулась и опустила глаза.

– Я была меньшинством, большинством, всем и никем. Зависело от времени. От возраста. От целей. В конечном итоге, чтобы стать президентом России, нужно быть разной. И одинаковой, – она вновь посмотрела на него с серьёзным выражением лица, и в её глазах даже можно было заметить раздражение и неприязнь, пусть она и пыталась это скрыть. –

А вопрос ваш глупый. И неуместный.

– Всё-таки я не хотел... – Пол начал было оправдываться, но остановил себя. В первую очередь он не хотел, чтобы она на него так смотрела. Как на нападающего, на врага, на злодея. Но разве он мог, посмел бы сказать ей такое – чтобы она смотрела на него так, как он хочет, а не как сама видит?

При этом, парадоксально, его прельщало такое внимание. В конце концов, если она так подробно его рассматривает, то ему тоже можно изучать её. А негативные эмоции – яркие эмоции. И факт, что из-за этого Станислава будет думать о нём чаще, пусть и не в самом благожелательном контексте, давал ему определённое удовлетворение.

Он продолжил:

– Вы знаете, я тоже к власти не стремился. Я получил её, пытаюсь доказать свою ценность. И иногда я совсем не понимаю, что с ней делать.

«Мог бы и промолчать», – подумала Станислава, ведь она совершенно не желала становиться его другом. А он совершенно желал не оставить ей выбора, отдавая свою личную жизнь в её добрые руки. Склонение к дружелюбию – это ли не преступление?

– Хотите мне понравиться? – Станислава особо не церемонилась, и острые углы она тоже не собиралась обходить.

А он безумно хотел ей понравиться. Вообще подсознательно Пол всем хотел нравиться, хотя и не признавался в этом, но ей – особенно. Потому что она слишком долго от-

казывала ему в одобрении.

– Много кто бы желал.

Он снова обобщал, а Станислава снова не понимала, единственный это случай по отношению к ней или привычка по отношению ко всем. Она хотела сказать ему, что пока у него не выходит ей нравиться. Но, во-первых, это бы его очень сильно задело. А, во-вторых, это было не так.

– Так с ценностью или с властью? – она перевела тему.

– Что?

– Вы не понимаете, что делать с вашей ценностью или с вашей властью?

Пол Блэквелл ликовал внутри себя, но снаружи лишь легко улыбался. Он до конца не верил, что смог привлечь её внимание к своей персоне, пусть и искусственное. Так как не был уверен даже в фальшивом интересе.

– Взаимосвязано. Моя власть стала моей ценностью.

– И чьё же одобрение вы так старались заслужить, что для него вам пришлось стать аж главой государства? – Станислава почти прошептала это. Ей не нужен был ответ, она просто хотела нащупать его слабость. У неё просто получилось.

Пол нахмурился и поджал губы. Ему стало некомфортно, по телу пробежал холодок, как будто её холодные пальцы пытались залезть ему за воротник рубашки. Впрочем, он быстро восстановил свой уверенно-отстранённый взгляд, пытаясь доказать Станиславе Филин, что полностью контролирует ситуацию.

– Своё, конечно же, – сказал Пол, натянуто улыбнувшись.

– Конечно же, – вторила ему тихо Станислава, совершенно не поверив этому ответу, о чём он догадывался. – Вы самолюбивы, но не настолько.

– Рад, что вы такого высокого мнения обо мне.

– Ну и что, получилось? Заслужить одобрение? – их взгляды встретились, и он отрицательно покачал головой. – Возможно, дело в том, что нельзя приобрести искреннюю ценность там, где вас никогда не ценили, что бы вы ни делали и кем бы вы ни становились. Понимаете, о чём я?

Он понимал. Она говорила и о себе, и о нём, и о Западе, и о Востоке. Пол пытался стать ценным в глазах собственно отца, бывшего премьера Альберты. Но тому было всё равно, даже если бы он стал властелином мира, ведь Пол не тот сын. А теперь получалось, что Блэквелл выступает в роли своего отца для Станиславы, которая зачем-то должна оказаться ценной в его глазах, в глазах Запада, хотя он прекрасно понимал, что любое одобрение действия будет лживым. И как у неё так получилось? Не залезая к нему в душу, залезть туда?

– Давайте вернёмся к Мафазиму.

– Я уже сказала вам всё, что об этом думаю.

– Да, но поймите же, что дело тут даже не в моих личных амбициях. И не в ваших каких-то там возвращениях. Уотерс же пойдёт на всё, чтобы добиться своего. Мафазиму – это разменная монета, не более. Ему всё равно, что там бу-

дет. Даже если страна исчезнет. Даже если захлебнётся в собственной крови, интересы своих компаний он отстоит, вы же понимаете? – казалось, будто Пола Блэквелла действительно беспокоила судьба Мафазиму и его народа. Его голос звучал уже не так уверенно, как раньше, и в нём присутствовала нотка раздражения. И паника. Она чувствовала панику. Он на мгновение закрыл глаза и выдохнул, а потом вновь заговорил: – Простите. Давайте начнём сначала. Сейчас я опишу вам проблему и скажу, как бы я гипотетически её решил. Я не прошу вас помочь себе или Оливеру Уотерсу, я прошу вас помочь народу Мафазиму. Вы просто послушайте и поправьте меня, если надо. Чтобы, когда я это преподносил как вашу идею, звучало правдоподобно, хорошо?

Станислава улыбнулась. Её это позабавило: его резкая смена тактики. Взывание к её совести, давление на жалость, хотя она и не до конца поняла, было ли это наигранно или искренне. Теперь он ещё и якобы выполняет роль советника, втягивая её в свои предложения. И одновременно с этим проверяя.

– Хорошо, – она сыграет в его игру. В конце концов, причины нахождения Пола Блэквелла здесь настолько сомнительны, что могут оказаться правдой. А Мафазиму действительно практически на грани гражданской войны.

– Что, выгнали?

Лерой Макферсон обернулся. Перед ним, скрестив руки

на груди, стояла и ухмылялась Анастасия Амурсанаева. Она держала достаточную от него дистанцию, не нарушая ни личного, ни окололичного пространства.

– Добрый день, Анастасия, – Лерой хотел бы закатить глаза, но сдержался.

В последний раз он видел её несколько месяцев назад в Кейптауне, когда договаривался о встрече между главами их государств. Ещё тогда она показалась ему высокомерной и острой на язык, впрочем, он разделял её скептицизм и подозрительность по поводу общения Филин и Блэквелла. Теперь же, на своей территории, она как будто пыталась показать Лерою, что он кто-то вроде школьника, а она – директор. Анастасия и была в некоторой степени похожа на работника образовательного учреждения: юбка-карандаш, блузка с завёрнутыми по локоть рукавами и строгая причёска в азиатском стиле, которая только подчеркивала её восточное происхождение.

– Вы понимаете, что стоите в этом коридоре только потому, что я это разрешаю?

– Не знал, что вы глава президентской службы безопасности.

Лёгкий смешок. Анастасия смеялась над его шуткой, его невежеством и своей шалостью. Впрочем, Лерою было всё равно. Он просто хотел поскорее уехать отсюда.

– Ладно, хватит вам тут торчать и раздражать наших коллег. Давайте мы с вами лучше чаю попьем.

Макферсон был крайне удивлён таким развитием событий. Он предполагал, что она отпустит пару шуток, чтобы ещё немного над ним издеваться, и уйдёт. А через пять минут выйдет Пол Блэквелл, скажет Лерою, что тот был прав и не стоило им приезжать, потому что Станислава Филин лишь оболочка, а не сущность и ничего не поменялось. Потом они быстро уедут в аэропорт, сядут в самолёт, и он больше никогда не увидит Россию.

И, кстати, почему чай?

– Мне кажется, что премьер-министр скоро выйдет, – уверенно сказал Лерой.

– Нет, не выйдет, – и спустя некоторое время добавила: – Они там надолго.

Вот так легко и просто Анастасия разрушила его мечты, чаяния и воздушные замки. От безысходности он глубоко вздохнул и, полный разочарования, посмотрел на неё.

– Не переживайте. Я не кусаюсь. По крайней мере не сегодня, – она улыбнулась.

Анастасия долго вела его по красивым и не очень коридорам, пока наконец они не зашли в одно из маленьких помещений. Там сидели какие-то люди, но, как только увидели Анастасию, то быстро ретировались, словно растворившись в воздухе, хотя та ничего им и не сказала.

– Чай, кофе, потанцуем?

Лерой не понял ни её шутки, ни её фамильярности, поэтому даже не улыбнулся. Сам налил себе чай (удивительно, что

она его не обманула и они действительно пошли его пить) из так удачно оставленного на столе чайника и молча сел. Анастасия же стояла, опершись на стоящий вдалеке маленький столик, внимательно наблюдая за ним. Она только сейчас заметила, что он, скорее всего, канадский метис: смуглая кожа, широкое лицо, достаточно крупный нос, а также тёмные, как воронье оперение, волосы. При этом в нём было что-то типично европейское, что не давало ей повода подумать, что он чистокровный индеец.

Наконец, Лерой заговорил:

– Вы же тоже считаете это всё идиотизмом, почему не пытались убедить своего президента в этом?

– Кто сказал, что я не пыталась? – от его дерзости она опешила и перешла в оборону.

– Ну, мы же здесь.

– А вы тогда на что?

– Я пытался...

– Но вы же здесь! – передразнила она его. – И потом, когда она что-то решила – она решила.

– Да, я понимаю, – закивал Лерой. Анастасия даже удивилась, что он так быстро согласился с ней. В чём был смысл тогда начинать этот спор?

– Хотите сказать, что дело не в Оливере Уотерсе?

Макферсон усмехнулся и шёпотом несколько раз повторил это имя.

– Думаете, он такой всемогущий? Думаете, мы здесь

по его просьбе? – он слегка повысил голос.

– Как знать, – Анастасия пожала плечами.

– Он бы такого не допустил. Он видит вас насквозь, – последнюю фразу он произнёс сквозь зубы.

– А что видите вы?

– Вам не место в нашем обществе. Вы навсегда должны остаться в своём коконе.

– Как жестоко, – наигранно сказала она.

– Это не жестокость. И даже не ненависть, а простая рациональность.

– Понятно, – она снисходительно улыбнулась, хотя и хотела ответить ему не очень цензурно. – Ну, наш кокон-то побольше будет.

Анастасия не удержалась от последнего комментария: уж очень хотела спровоцировать его. Чтобы он начал атаку, а она бы словесно уложила его на лопатки и оставила там лежать и захлёбываться собственной неоправданной ненавистью. Причём сама она не испытывала ненависти ни к нему, ни к Канаде, ни к канадцам. Просто Лерой Макферсон казался идиотом. А как можно ненавидеть идиотов? Им можно только сочувствовать и насмехаться над ними.

– Учитывая ваше постоянное стремление к расширению, это не удивительно. Возможно, это ваша главная проблема. Из-за своего гигантизма вы не считаетесь с другими. Воспринимаете всё исключительно с позиции «Сибирь – это пять Франций», – он кипел.

– Конечно, лучше же быть как вы! – она вскинула руки вверх и начала своё театральное представление. – Да, Вашингтон. Нет, Вашингтон. Конечно, мы выбрали губернатора вашего большого штата, которого вы просили. Только подождите немного, надо согласовать его с британским монархом.

Анастасия демонстративно приложила к уху свою ладонь, изображая разговор по телефону. Лерой непроизвольно улыбнулся этому, хотя было очень оскорбительно выслушивать сарказм относительно независимости его страны от представителя государства, которое ты не очень любишь. Но он воспринимал это всё как глупость, детскость, стереотипные шутки. Как можно относиться к этому серьёзно?

– По-вашему, мы так вопросы решаем? А надо как вы? – он повторил её движение и приложил к уху руку-телефон. – Нихао! Да, Пекин. Нет, Пекин. Новый президент? Не волнуйтесь, китайские интересы будут учтены. Слава партии!

Анастасия аж уронила челюсть от такой дерзости и тут же приложила свою ладонь ко рту. Она смотрела ему в глаза, полные раздражения, не до конца понимая, как на всё это реагировать. А потом внезапно рассмеялась. От их общей глупости. Их мировосприятия, понимания действительности. На удивление Лерой подхватил её задорный настрой и тоже залился смехом.

– Н-да, – протянул он, когда они успокоились. Его глаза гуляли по абсолютно непримечательному помещению, в ко-

тором они сидели. Он хотел перевести тему, чтобы они снова не скатились к оскорблениям, и искал зацепки.

– Вы из первых народов? – она опередила его. Он аж подпрыгнул на месте из-за её неожиданной прямоты. И выбора верного термина. Она не сказала «коренные народы» или «индейцы», она использовала именно тот термин, который был принят в Канаде.

При всей дерзости и относительной нетолерантности Анастасии, когда было надо, она всегда использовала правильные слова. Хотя часто презирала их лицемерие. Да и в целом политкорректность. Но не в этот раз.

– Ну... да. Моя мать из народа кри.

«А отец из народа шотландцы, надо полагать», – подумала про себя Анастасия.

– Саскачеван?

Он не смог скрыть удивления на своём лице от её осведомлённости вопросом. Мало кто из иностранцев вообще знал названия канадских провинций, кроме Онтарио и Квебека, что уж говорить об этническом составе регионов. И тот факт, что она была в курсе, где проживает больше всего кри, обескураживало.

– Манитоба. Но я вырос в Альберте. Откуда вы...

– О, я делаю свою домашнюю работу, – она усмехнулась. – Знания – сила, и всё такое. Не думайте, что я какой-то канадофил или вроде того. Просто...

– Держите своих врагов ближе? – предположил Лерой.

– Нет. Это полезно, знаете. Читать книги.

– Очень смешно.

– А если серьёзно, то вы же наши гости. Это некрасиво – знать только базовые вещи. Как мне тогда вас понять? Вас и ваш мир?

Лерой улыбнулся, но в глубине души ему стало стыдно. Его презрение не дало ему возможности изучить страну. Он знал что-то о России, но вряд ли погрузился в тему так глубоко, как она. Да и времени на историю у Лероя Макферсона тоже не имелось – были дела поважнее. Из-за этого он даже не смог нормально сформулировать вопрос об её этническом происхождении, ему не хватало точности, деталей: фактически он не знал, откуда зайти, чтобы не казаться полным идиотом.

– Простите, а... – Лерой посмотрел на неё. – ...кто вы? Я имею в виду...

Он рукой показал на неё, а потом обвёл пальцем своё лицо и снова указал на неё, так и не сказав слово «происхождение». Анастасия вскинула брови вверх и скрестила руки на груди. Лерой, заметив её суровый настрой, сразу же стал извиняться и почему-то попросил забыть об его глупом вопросе. И не отвечать на него.

– Ой, какой вы пугливый, – она усмехнулась. – Сразу извинялку включаете. Думаете, нажму на кнопку «отмена»? Я

так-то русская.

Они замолчали. Лерой очень внимательно вглядывался в её лицо, пытаясь понять, издевается она над ним или серьёзно отвечает.

– Снова шутите? – неуверенно спросил он.

– Вовсе нет, – Анастасия задумчиво покачала головой. – Это ведь состояние души, ну знаете, культурная принадлежность. Она может отличаться от биологии, может – совпадать. Может работать в симбиозе. Понимаете?

Он понимал, но не принимал. Не понимал и принимал. Он не знал, что ему делать. Он запутался в её словесных сетях. Анастасия улыбнулась.

– А у вас вообще как с этнографией народов России?

– Честно? Не очень, – он пожал плечами, намекая на то, что ему вроде как стыдно это признавать, но не в такой степени, чтобы долго сожалеть.

– Если бы вы сказали честно, то ответ был бы «никак», – заявила она. Она радовалась из-за осознания факта собственного превосходства и подкованности. – Я родилась в Сургуте, это крупный нефтедобывающий центр в азиатской части России. Ну, знаете, там, где Сибирь. Мой отец бурят, а мать – якутка. Дома почитаете, кто это.

– Про якутов я знаю, – горделиво сказал он.

Анастасия наигранно удивилась, открыла рот, громко охнула, приложила руки к своим щекам и покачала головой из стороны в сторону. После она залезла в ящик стола, кото-

рый стоял позади неё, достала оттуда конфету и кинула ему. Лерой поймал её и покрутил в руке, рассмотрев со всех сторон.

– Стремление к знаниям должно поощряться.

– А откуда мне знать, что она не отравлена? – он сузил глаза.

– Мне её откусить? – шутливо сказала она, а потом внезапно серьёзно посмотрела на него. – Или облизать?

От этой фразы Лерой стало резко неудобно. Ему показалось, что у него загорели щёки. И что в помещении вообще очень жарко. Хотелось открыть окно. Больше всего его пугала мысль о том, что она может с ним заигрывать, хотя его догадка не имела никаких подтверждений и доказательств, кроме доводов в собственной голове. Конечно, он понимал, что подобные провокации могут быть её тактикой. Обескуражить и ударить под дых.

Пока он думал, что ему делать с собственной разгоравшейся фантазией, она села за стол напротив него. В обычных условиях, если бы он встретил её где-нибудь в Ванкувере, возможно, он бы заинтересовался ей как женщиной: в конце концов, она привлекательна в его глазах, остроумна и умеет шутить. Но он видел в ней российского политика. А российский политик – существо бесполое, которое ни в коем случае не может нравиться.

– Видели бы вы сейчас ваше лицо. Как будто я вам пред-

ложила секс прямо на этом столе. Я думала, вы поинтересней будете. Там с шутками идиотскими хотя бы. А вы... — она помотала головой, но, заметив, что страх из его глаз никуда не делся, закатила глаза и продолжила: — Ой, да ладно вам. Юмор *non comprandre*? Я вообще-то замужем. Марьяж, ю ноу?

Анастасия продемонстрировала ему свою правую руку, где на безымянном пальце сверкало кольцо из белого золота. Лерой выдохнул, хотя, казалось бы, почему он вообще так испугался? После он усмехнулся её попыткам смешения корявых английского и французского, причём в этих моментах она специально сильно коверкала свой акцент (который был, но не такой заметный), превращая его в максимально стереотипный русский. Ему даже казалось, что она разговаривает скорее на русском, чем на другом языке.

— Значит, вы полноценный представитель азиатской части России? — он резко сменил тему, вернувшись к тому, с чего всё начиналось.

— О да. Поворот на Восток, и всё такое.

— Не знал, что вы отворачивались.

— Умника из себя строить только не надо, ок? — она странно произнесла последнее междометие. Очень по-русски, сказав не «окей», а именно «ок», ещё и протянув согласную.

Лерой улыбнулся, и они на какое-то время замолчали. Каждый думал о своём. А разделявший их стол казался большим Атлантическим океаном, который никто из них не ре-

шался переплыть.

– А вы не боитесь, что они и вправду договорятся? – внешне прервал их тишину Лерой.

– Почему я должна этого бояться?

– Ну как же. Мне казалось, что наша враждебность толкает нас к прогрессу. Желание обогнать друг друга заставляет что-то делать. Конкуренция полезна, – он на мгновение замолчал, а потом заглянул ей прямо в глаза. – Да и потом, если мы больше не враги, что же нам тогда делать? Что мне с вами делать?

У Анастасии не было ответа на его вопрос. Точнее, был. Она хотела сказать «жить», но знала, что его это не утешит. Его, да и её жизнь висят на тонком волоске понимания, кто враг, а кто друг. И что несмотря на всю их открытость и якобы желание сблизиться, они совершенно не готовы к изменению своей реальности. Ведь он прав, вопрос остаётся открытым: что же им тогда всем остаётся делать после? И насколько долго их хватит? А главное – неужели вражда для них даже лучше дружбы?

– Мы хорошие враги. Не хотелось бы это терять, – уже шёпотом дополнил Лерой. И Анастасия была с ним согласна.

Прошло два или три часа их беседы – Станислава не считала время – прежде, чем они вышли, так до конца и не договорившись о собственном плане, хотя и имея смутные представления о нём.

Она проводила Пола до выхода, где его уже поджидал Лерой Макферсон, чтобы уехать в аэропорт. Когда они пожали друг другу на прощание руки, канадский премьер-министр как-то странно ей улыбнулся. Совсем как в их первое знакомство. Он вновь изучал её, будто нескольких часов один на один было недостаточно, будто последние секунды для него, для неё, для всех вокруг значили гораздо больше, чем всё время, проведённое тет-а-тет до этого.

— Я вам позвоню, — напоследок сказал Блэквелл. Станислава лишь коротко кивнула.

Она медленно дошла до своего кабинета, села за рабочий стол, упёрлась в него локтями и накрыла лицо ладонями, если бы более не желала видеть этот мир. Как же она устала. От бесконечных игр, мутных схем, лицемерных обещаний. Станислава устала от Пола Блэквелла, который пытался стать её другом. От Олега, который пытался стать серым кардиналом. От Анастасии, которая пыталась заигрывать со всеми, чтобы якобы помочь Станиславе, а на самом деле вела собственную игру.

Её окружало так много людей, а она чувствовала бесконечное одиночество, где ей было нельзя, да и совершенно не с кем поделиться собственным страхом поражения. Президентское кресло не приносило то счастье, которого она ожидала. Если честно, то она и не помнила, что в последнее время вообще доставляло ей счастье. Что она делала из удовольствия, а не по инерции.

Она увела ладони наверх, к волосам, медленно опуская голову ниже и ниже к столу, пока её лоб не коснулся деревянной поверхности. Собственные мысли придавливали её к земле: она хотела лечь на пол и смотреть в потолок, ни о чём не думая, чтобы голова хотя бы на пару часов перестала весить больше тонны.

– Как прошло? – раздался знакомый голос.

Станислава вздрогнула от неожиданности, хотя давно должна была привыкнуть к тому, что её брат – мастер скрытых перемещений.

– И давно ты здесь сидишь? – она тут же выпрямилась и вернулась к серьёзности, забыв поводы для собственной жалости.

– Ну как сказать...

Олег, как герой нуарного детектива, вышел из скрывающей его тени и сел напротив неё. Он странно ухмылялся, будто бы уже всё знал, но пытался словить Станиславу на лжи или какой-либо несостыковке.

– Ты был прав, – начала она. – Он очень проникся. Теперь ему кажется, что он всё понял. Что я отвергнутый философ во главе государства, который хочет только хорошее. И ему очень надо помочь мне в моих начинаниях.

– В эту игру можно играть вдвоём. Что он хотел?

Станислава вздохнула. Она тут же набрала по интеркому номер Анастасии и попросила её зайти к ней. Олег до прихода советницы молча наблюдал за всеми её действиями,

не проронив ни слова.

– Олег Дмитриевич, добрый вечер, – наигранно сказала Анастасия, войдя в президентский кабинет. – Станислава Алексеевна, вызывали?

Амурсанаева редко использовала такие официальные обращения, только когда рядом был кто-то посторонний. Они все давно уже были на «ты» и никогда не произносили отчества. Поэтому её явная игривость была неуместна, хотя и вызвала улыбку у всех сидящих в помещении.

– Садись, – Филин указала ей на стул за столом напротив Олега.

– Какие новости в нашем зоопарке? – Анастасия улыбнулась, а глава разведки усмехнулся.

Станислава внимательно смотрела на них, её глаза метались из стороны в сторону. Она пыталась собраться с мыслями, чтобы как-то правильно преподать информацию. Сначала она думала пересказать их разговор с Полом Блэквеллом полностью, без утаивания деталей, со всеми интонациями и подтекстами, но испугалась, что тогда выдаст себя с головой. Точнее, свою заинтригованность канадским премьер-министром. Это помимо того, что Олег мог узнать о её тайне, к которой так красиво подкрался господин Блэквелл. Поэтому она лишь выдала одно слово:

– Мафазиму.

– Можно было догадаться, – как-то разочарованно сказал Олег и поджал губы. Будто он ожидал нечто обескуражива-

ющее, не такое пресное и предсказуемое.

– Он напуган. Пол Блэквелл, я имею в виду. Или... Не знаю, так только кажется, – Станислава принялась коротко описывать то, о чём они разговаривали, сделав особый акцент на замечаниях канадского премьер-министра о «создании контролируемого хаоса» имени Оливера Уотерса, где Мафазиму рискует превратиться в Сомали.

– Капец они там на бабки присели! – не скрывала выражений Анастасия. – Нет, ну, в принципе, логично. Залежи на сотни миллиардов юаней, потенциал – даже не посчитать. Кто сорвёт карт-бланш, получит фактически новую чип-базу. А это технологические прорывы, заводы, суверенитет и, конечно, деньги. Понятно, что они не хотят, чтобы это всё в руки Китая перешло. Ну, или в наши. Хотя странно, что нам поступило такое предложение, они же знают, что мы там тоже собираемся работать.

Анастасия сознательно в последнее время считала всё в юанях, вырабатывая в себе новую восточную норму. Сначала она пыталась переводить в рубли, но потом решила, что это звучит слишком регионально, и перешла на глобалистку с китайским уклоном.

– Поэтому и поступило. Косвенная угроза: хотите работать дальше – помогите нам. Мы же по договорённости с китайцами обеспечиваем безопасность их предприятий. Сами знаете, с помощью кого. Не поможем – конфликт с Пекином. Конфликт с Мафазиму. Полный политический провал. И гу-

манитарная катастрофа в центре Африки, – спокойно дополнил Олег.

– Ну просто флеш-рояль. С другой стороны, вот тебе пряничек, добрая семья европейских народов открывает свои объятия. Хотя пока никто не договорился, конечно, – Анастасия фыркнула.

– Меня немного беспокоит его странный настрой, – продолжила Станислава. – Создалось ощущение, что это не Уотерс его отправил, а он действительно сам приехал. По собственной инициативе и с таким «великолепным» предложением. Оно абсолютно непродуманное. Мы три часа бились в конвульсиях, пытаюсь сделать из этого нечто похожее на план, но я не знаю... Надо ли нам вообще это? Зачем нам спасать их компании? Зачем нам обратно? – Станислава вновь задумалась об абсурдности всей ситуации.

– Надо хорошенько всё обдумать, конечно. Если в Вашингтоне такой серьёзный настрой касательно Мафазиму, как говорит Блэквелл, то, боюсь, всё движется к жуткому кризису и военным столкновениям. Предотвратить это и повысить свою репутацию в Африке было бы неплохо. Сами понимаете, что списать вину на нас за не предотвращение конфликта будет очень просто. Все же знают, что мы там косвенно есть. Так что поиграем в миротворцев, но придётся играть в грязную, конечно. И им, и нам.

Олег размышлял прагматически: главная задача для него была избежать репутационного риска для России, а не вой-

ны в регионе. Его можно было понять, в конце концов, где Мафазиму, а где Москва, но Станислава разрывалась на части. Она хотела бы мыслить хладнокровно, но о себе вновь давала знать её сердобольность. И Пол Блэквелл, конечно, угадал, когда пытался на это давить.

– Помочь африканцам турнуть американских колонизаторов? Запишите меня в группу быстрого реагирования, – воодушевилась Анастасия. На её комментарии, впрочем, никто не обратил внимания. Олег и Станислава серьёзно смотрели друг на друга, пытаясь прочитать мысли и просчитать риски. Как на одной маленькой стране могло быть завязано столько судеб?

– Надо звонить в Пекин, – через несколько минут молчания сказала Станислава.

– Я позвоню, – согласился Олег. – По своей линии. Ничего не делай пока.

Филин кивнула. Ей самой надо было много о чём подумать – она до конца не решила, что делать. Возможно, Олег мог бы ответить на её вопросы, но Станислава хотела всё сделать сама. Наедине с собой обдумать без лишних комментариев. Принять правильное решение, взвесив все за и против. Чтобы ни у кого не оставалось сомнений, что здесь именно она глава государства и за ней последнее слово.

Как так получилось, что всего через несколько месяцев «царствования» ей нужно было тушить пожар в центре Африки без возможности отказаться? Что в этом конфликте

окажутся замешаны чуть ли не все кому не лень из лагерей разного мировосприятия? Почему всё не может быть по-другому? Она просто хотела заняться экономикой, просто хотела помочь своему народу. Почему теперь ей надо спасать другой?

Станислава просто хотела, чтобы мир не был таким жестоким, потому что сама не умела быть жестокой. Она пыталась научиться, но каждый раз маска хищника в её руках превращалась в маску сакральной жертвы. Кинуть себя на амбразуру ради страны? Да. Кинуть кого-то другого туда же ради страны? Нет. Благородство было ни при чём: она просто не осознавала ценность своей жизни, если та не была пожертвована во благо.

Филин безнадежно верила, что найдет она мать всея хаоса, злополучный ящик Пандоры, то сможет закрыть его на ключ, а ключ превратить в безвозвратную утрату. И тогда она скажет всему миру, всему человечеству, что оно спасено, если только не будет искать этот ключ. Но кто она, чтобы решать, чего хочет человечество? Да и вдруг этот ключ и есть мировое спасение?

Глава 3. Катастрофа

*Научи меня, ласточка хилая,
Разучившаяся летать,
Как мне с этой воздушной могилой
Без руля и крыла совладать.*

О. Мандельштам

– Это всё так смешно, Пол. Зачем ты вообще в это ввязался? У тебя других дел не было? – Макферсон задавал ему одни и те же вопросы. Отвечать было, кстати, необязательно. Их беседа была похожа скорее на монолог.

Лерой отчаянно пытался ему доказать бесперспективность не то что его идеи, а вообще всей коммуникации с Кремлём. Сначала в самолёте по пути в Оттаву. Потом с помощью регулярных визитов к Блэквеллу в его кабинет и любое другое помещение, где тот появлялся. Со стороны это выглядело отчаянно и бесполезно: стоило Лерою Макферсону сказать: «Москва» или упомянуть любые другие атрибуты, связанные с президентом России, премьер-министр Канады тут же поднимал вверх ладонь, приказывая советнику замолчать. Вербально выражать это у него сил уже не было.

Пол связался с Оливером Уотерсом сразу по прибытии в Канаду и кратко изложил суть беседы со Станиславой Филин (умолчав о сказанных в конце собственных мыслях о Уотерсе и Мафазиму), на что тот попросил дать ему неде-

лю-другую на поразмышлять. На удивление американский президент не насмехался над ситуацией, как обычно бывало, не был нетерпелив или зол из-за её условий. Он воспринял всё очень серьёзно и даже казался подавленным. Но Блэквелл не верил, что дело было в Мафазиму.

Прошло уже около двух недель с этого разговора, но ответа из Вашингтона так и не последовало. Пол Блэквелл не мог знать, что цепочка событий уже была запущена. Задолго до их беседы с Оливером Уотерсом, задолго до того, как они со Станиславой вообще познакомились. Он чувствовал, что Мафазиму неминуемо приближалась к катастрофе, но как её остановить, Пол Блэквелл не имел никакого представления. В некоторой степени он надеялся, что Станислава Филин умнее его и что ей под силу потушить не только этот, но и множество других пожаров на планете Земля. Но почему он вкладывал столько власти в её руки? Почему перекладывал столько ответственности на её плечи? Почему он вообще решил, что она хочет что-то тушить?

Канадский премьер-министр подавлял в себе странное желание позвонить ей. Чтобы поделиться новыми мыслями о Мафазиму. Чтобы рассказать, как прошёл его день или разговор с американским президентом. Чтобы пошутить свои неудачные шутки и почувствовать стрелу её колкости.

Он многого у неё не спросил. Например, знает ли она, что человечество, возможно, уже уничтожало себя и сейчас проживает лишь циклы событий, которые неминуемо приве-

дут его к гибели. А если знает, то есть ли смысл всё исправлять? Чувствует ли она себя во власти судьбы? Правда ли, что все русские – фаталисты? Верит ли она в мировую обречённость? Почему она позволила ему приехать?

Последнее его, конечно, интересовало больше всего. Отец Пола, человек эмоционально отстранённый и расчётливый, обязательно бы отчитал его за такое поведение. «У политика не может быть друзей, Пол. У политика не может быть близких союзников, только временные. Зато у политика должно быть много врагов, явных или скрытых. Если у тебя их мало, значит, ты плохой политик», – постоянно повторял его отец, чья репутация зиждилась на симбиозе страха и уважения. Человек, пробывший премьером Альберты более десяти лет, а потом проигравший федеральные выборы, что фактически уничтожило региональную консервативную партию, которую он возглавлял, винил в этом именно недостаточное количество страха вокруг себя.

У Пола было другое мнение. Он не верил в концепцию «врага», он верил в соперничество. Его вокруг и везде окружало лицемерие – оно было словно религией, которую он преданно исповедовал. Умение располагать к себе людей, красноречие, а где надо – словоблудие, открыли мир удивительных договорённостей, о которых отец вряд ли бы узнал в силу своего характера. При этом Пол никогда не получал того, что имел его отец, – уверенности в собственной правоте, прямых ответов на вопрос, да и сам он часто уходил от от-

вета, ведь являлся проводником чужих взглядов, а не своих. Полу не была доступна и твёрдость, стойкость убеждений. Его просьбы могли игнорировать, если они исходили прямо от него, а не, например, от Оливера Уотерса. Опору чувствовали за ним, а не в нём. Но Пол Блэквелл, в отличие от своего отца, никогда не шёл напролом. Он брал умом и хитростью, а не стойкостью позиции и фразой «я так решил».

Блэквелл создал максимально выгодное положение для страны из имевшихся у него ресурсов на международной арене. За это его народ был ему благодарен, и его это устраивало. В конце концов, его отец был лишь главой одной из канадских провинций. А Пола Блэквелла знает весь мир. Чего отец ему, кстати, так и не простил.

Дело было вовсе не в зависти, просто путь Пола предназначался другому сыну. Старший брат Пола, Дэниел Блэквелл-младший, был повесой. Ему все преподносили по щелчку пальцев на блюдечке с голубой каёмочкой, а родители, в особенности отец, в нём души не чаяли. Все всегда говорили, что Дэниела ждёт великое будущее и что его отец сделает для этого всё возможное. Вся их семья, по сути, жила ради этого великого будущего Дэниела Блэквелла-младшего. Сам же Дэниел ничего не хотел: ни учиться, ни становиться политиком, ни тем более воплощать в жизнь мечты отца. К двадцати трём годам он уже успел попасть в неприятности, которые грозили тюремным сроком, а также пройти реабилитацию в клинике для наркозависимых, но отец постарал-

ся, чтобы нигде об этом не было записи. Дэниел с горем пополам закончил университет (не без помощи Пола), а потом его устроили в мэрию. И вот, когда всё, казалось бы, было улажено и мечта отца о великом сыне-политике была почти осязаема, Дэниел разбился на машине. Он был под наркотиками, но в отчёте о вскрытии ничего подобного не написали.

Вложив столько сил в старшего сына и обнаружив себя в окружении дочери-актрисы и среднего ребенка, которого он никогда не замечал, отец Пола не нашёл ничего лучше, как обвинить во всех грехах самого Пола, мол, не досмотрел за братом. Почему младший брат должен был присматривать за старшим, его не волновало. Все мечты Блэквелла-старшего рухнули. Но самое страшное началось, когда Пол стал членом парламента от Консервативной партии. На тот момент он уже несколько лет не разговаривал с отцом, но это не помешало последнему позвонить Полу, чтобы под предлогом сухого поздравления в воплощении «чужой мечты» сказать одну единственную вещь: «Ты никогда не будешь достоин его места». И именно в этот момент Пол, всю жизнь стремившийся заслужить уважение своего отца, понял, что в глазах Дэниела Блэквелла-старшего он так и остался никем. Точнее, он был узурпатором и вором, а не гордостью семьи, фамилию которой он вписал в историю.

Публика ни о чём не знала, ведь оба Блэквелла, как настоящие политики, играли в любящую семью, не вынося сор из собственной избы в городе Эдмонтон. Они общались,

очень отстранённо и очень не по-семейному. По требованию.

Он безумно хотел рассказать ей об этом: как вопреки собственной семье стал премьер-министром Канады. Полу казалось, что это поможет ему добиться её уважения, расположения и, возможно, доверия. Что они станут ближе. Что она увидит в нём человека без политической оболочки. Мужчину, который добивается своего, несмотря на преграды.

Его терзания прервал влетевший в кабинет Лерой Макферсон. Пол закатил глаза, ожидая очередную лекцию по истории политической мысли России, но советник, как бы предсказывая его реакцию, тут же покачал головой.

– То есть косвенно всё связано, но... – Лерой глубоко вдохнул. – В общем, в Мафазиму полная задница.

Макферсон включил и передал Полу свой телефон, где шёл репортаж из африканской страны. Он был на французском, но Блэквелл не вслушивался, а внимательно смотрел на видео, где показывали задымлённое здание. И в этом дыму словно призрак покачивался обгоревший российский флаг.

Тишину пронзил телефонный звонок.

Станислава Филин отрешённо смотрела в экран компьютера. Точнее, сквозь него. Чувства, которые она подавляла весь вчерашний ужасный день, волной накатили на неё только утром следующего. Но бессонная ночь давала о себе

знать – у неё уже не было сил выплёскивать хоть что-то наружу. Её охватила апатия. Она не понимала, что ей делать. Не понимала, что говорить.

Канадский премьер-министр вчера несколько раз пытался отчаянно до неё дозвониться. Только сейчас она позволила ему это сделать.

– Вы знаете, сколько сейчас времени? – раздражённо сказала она в трубку, не поздоровавшись.

– У вас семь утра. Я вас разбудил? – спокойным тоном ответил он.

«Какой идиотский вопрос именно для сегодня», – подумала Станислава.

– Нет, – она выдохнула. – А вы почему не спите, разве у вас не полночь?

– Работа не ждёт.

– Вы что-то хотели?

– Я... Хотел узнать, как вы.

– Не понял.

– Я слышал, что случилось. Мне жаль, – его голос действительно казался сочувствующим.

Станислава закрыла глаза, глубоко вздохнула и потёрла пальцами переносицу. У неё в горле стоял ком, от которого она никак не могла избавиться. Но и плакать ей тоже не хотелось. Ей вообще ничего не хотелось.

Конечно, он всё слышал. Все уже всё слышали. И наверняка видели по телевизору. Как во время очередных бес-

порядков и антиправительственных протестов группа неизвестных ворвалась в российский культурный центр в Мафазиму и расстреляла всех, кто был внутри. Как потом подожгли здание, и зарево стояло такое, что на тушение ушло несколько часов.

Не слышал он, наверное, только, как она два часа разговаривала с Сесилем Макамбо, который клялся ей, что найдёт всех, кто это сделал, а она ему не верила, но молчала. Как ей весь день звонили и выражали соболезнования, хотя она никогда не понимала, почему в таких случаях глава государства их принимает. Как сорок человек стали жертвами ещё даже не начавшегося конфликта, приняв ужасную смерть, полную страха. Как Олег предположил, что за этим стоит одна из тех самых неподконтрольных военизированных группировок, хотя официально вину на себя никто не взял. Не знал он и что уголовное дело, возбуждённое по факту произошедшего, переквалифицировали со статьи «Убийство» на «Террористический акт».

Как она оказалась совершенно не готова к такой трагедии, в отличие от остальных. Вчерашний день был худшим днём с начала её президентского срока, а ему было жаль.

– Спасибо, – лишь вымолвила она.

– Как вы? – Пол повторил свой вопрос.

– Я...

Станислава не знала, что ему сказать. Правду? Что она вчера разрывалась и до сих пор разрывается на куски отто-

го, что не смогла это предотвратить, от собственного бессилия? Что ей больно за каждого, кто умер в здании, которое её страна обещала охранять: за семь граждан России и тридцать три гражданина Мафазиму? Что теория Олега добавляла только больше сожаления? Что ей нужно притворяться сильной, хотя она никогда ей не была? И что она одновременно чувствует опустошённость и гнев?

– Я в порядке, – наконец сказала Филин. – В конце концов, меня там не было. И я жива.

– Это не отменяет того... Того, что вам может быть нелегко. Всем было бы нелегко.

– И даже вам?

– Вы считаете меня настолько сильным человеком, чтобы меня подобное не трогало? – ему в некоторой степени даже было лестно.

– Нет, я считаю вас бессердечным, – её слова прошлись по нему как нож по телу (но не по сердцу). Он даже вздрогнул. В любом другом случае это был бы комплимент, но с ней как будто нет.

А Станиславе было всё равно, что он подумает. Пол Блэквелл позвонил в очень плохой момент – когда её горечь постепенно превращалась в гнев.

– Вы плохо меня знаете.

– Я с этим не спору, – быстро ответила она. – Вы что-то ещё хотели? Мне просто надо...

– Что?

Она на секунду замолкла. Решала, говорить ему или нет. Признаваться ли в собственной слабости. Доверять ли ему это сакральное знание, достоин ли он его?

Станислава ещё не сталкивалась с терроризмом лицом к лицу. Её родную Тюменскую область – слава богу – подобные трагедии обходили стороной. По крайней мере, пока она была там губернатором, у них практически не было трауров. С маленькими происшествиями (которых вряд ли избежишь) она прекрасно умела справляться – ей помогало искреннее сочувствие, за которое её любили. Она хорошо умела находить слова поддержки. В национальных же трагедиях главной была не она, а президент, Следственный комитет, ФСБ и ещё пару человек в вертикали власти, так что ей не надо было думать, что и как делать – всё давно решили за неё в протоколах. Она отчитывалась наверх, а не наоборот, и это отвлекало от размышлений о скоротечности жизни. И каждый раз она с удивлением обнаруживала, как умело эмоционально отстранялась от всего, активизируя режим хладнокровного лидера.

В конце концов, в её регионе главным виновником бед оставалась природа, а не человек. С природой сложно спорить. Природные катаклизмы Станиславу не так волновали, как преступления особой жестокости вроде терроризма. Где были мотивы и высказывания, где было сознательное действие. Она совсем этого не понимала и не хотела понимать. Но позиция главы государства не оставляла ей выбо-

ра – чего бы она там ни хотела, ей придётся хладнокровно решить вопрос, раздать приказы, успокоить и утешить население. Казалось бы, она росла в жестокое время, но жестокость свойственно забывать, если она не становится ежедневной. К тому же в разные периоды её жизни находились люди, стремящиеся отгородить её от всего неприятного, – её родители, брат, Анастасия, бывший президент Российской Федерации, в конце концов – по крайней мере, ей хотелось так думать. Плохое она старалась и вовсе не запоминать.

А ещё Станислава Филин никогда не принимала соболезнований. Точнее, они были адресованы родственникам погибших и пострадавших, но Пол Блэквелл почему-то сочувствовал именно ей.

– Мне нужно позвонить родственникам погибших. Выразить соболезнования, – наконец, сказала она. – Это была моя личная инициатива, но теперь я... Я совсем не понимаю, как это сделать. Я не знаю, что им сказать.

Пол Блэквелл опешил от такой искренности. Почему она ему это говорит, неужели она способна на ложь и притворство в такое время? А если Филин взаправду не та, кем он её вообразил?

Он крепче прижал трубку к своей щеке, пытаясь сделать их разговор более интимным. Пол слышал её прерывистое дыхание и мог поклясться, что она на грани эмоционального срыва.

– Скажите, что вам жаль и что вы сделаете всё, чтобы най-

ти тех, кто это сделал. И наказать их.

– Господи, какая банальщина, – прошептала она.

– Не банальщина, если вы верите в это. Если вам не всё равно, а я слышу, что вам не всё равно.

– Да? И что ещё вы слышите?

– Что вы корите себя. Не стоит. Так вас на другие вещи просто не хватит. Научитесь отстраняться.

– Чтобы стать как вы?

– Я просто хочу, чтобы вы не занимались самобичеванием.

– Вы не знаете меня.

– Это у нас взаимно, – он улыбнулся. – Но я хочу вас узнать. Вы позволите мне?

– Сегодня не самый лучший для этого день, – Станислава бы посмеялась над ним, но у неё не было на это никаких сил. Она по-хорошему не должна была и вовсе с ним разговаривать в таком уязвимом состоянии. Он ведь мог этим воспользоваться.

А Пол сам думал об этом: что мог бы легко обвести её вокруг пальца именно сегодня, что-то пообещать, что-то попросить, сделать своим «другом», но ему была противна эта мысль. Он не хотел делать это с ней. Он хотел утешить её, потому что слышал разбитость, слышал обречённость.

– Вы хороший человек, Станислава.

– Почему вы мне это говорите?

– Я не знаю. Мне кажется, что вы думаете, раз допустили

такое, то вы плохой человек, плохой лидер. Но это не так. Вы не можете предвидеть всё. Предотвратить.

Она глубоко вдохнула.

– А себя вы считаете хорошим лидером, Пол?

– Я точно не считаю себя плохим.

– Вы сказали в прошлый раз, что не желали власти, а хотели лишь доказать свою ценность. Но зачем?

Пол улыбнулся. Ему было лестно, что она запомнила его мимолётные замечания, что она проявляет интерес.

– Я хотел... – он прервал сам себя и ухмыльнулся. – Так не честно, Станислава. Вы не пускаете меня в свою душу, но снова пытаетесь залезть в мою.

Повисла тишина, которая говорила сама за себя.

Блэквелл был рад, что их разговор происходит не лицом к лицу, иначе он бы точно провалился сквозь землю из-за своих слов. На расстоянии он мог бесшумно легко удариться головой об стол и тихо выругаться, закрыв рукой микрофон телефона. Его словоблудие никогда ещё не было таким откровенным и опасным одновременно. Пол боялся, что слишком сильно давит на неё, слишком фамильярничаёт, что его слова выходят из его рта без какого-либо обдумывания.

Он правда имел в виду то, что сказал. Он правда очень хотел залезть к ней в душу.

– Простите, если нарушила правила этикета. Я не всегда понимаю... что говорить, – Станислава казалось взволнованной, но вряд ли из-за своих слов. Она говорила отстранённо,

звучала отдалённо. Он хорошо её понимал – в сложившихся обстоятельствах никто бы не хотел оказаться.

– Вам не нужно извиняться.

– День был ужасный.

Она оправдывалась, а он внезапно вспомнил, зачем звонил ей. Ему стало стыдно, что он на секунду забыл о трагедии, её чувствах и протоколах. Пол хотел бы передать Станиславе часть своей «бессердечности», как она выразилась, чтобы ей стало легче.

– Если... Если вы позволите, я могу помочь вам, – внезапно произнёс Блэквелл, тут же испугавшись своих слов.

И тут Станислава вспомнила: их разговор, Оливера Уотерса, теории Олега, военизированные группировки и редкоземельные металлы с ТНК. Её обуял гнев. Он ведь тоже мог быть в этом виноват, хоть и косвенно. А если не косвенно?

– Если подтвердятся наши предположения, то спасибо, вы и так уже помогли, – её слова были пропитаны ядом, но Пол не понимал, почему. Причина на самом деле была на поверхности, но канадец отчаянно не хотел её замечать, списывая всё на перенапряжение и её эмоциональное состояние. Мысль о некой причастности руки Запада ко всему и правда проскальзывала у него голове, но он старательно отгонял все непрошенные выводы.

Она сбросила звонок и вновь закрыла глаза. Смотреть на телефон, который ей предстояло поднять ещё семь раз для, наверное, самых сложных звонков в её карьере, не бы-

ло никаких сил. Станислава сама не знала, зачем так резко оборвала их разговор, так отыгралась на нём. В этом не было абсолютно никакого смысла. Всплеск, буря совершенно ненужных эмоций. Но в некоторой степени это ей помогло: вылив весь негатив на него, у неё будто появилась энергия двигаться дальше.

А Пол так и остался сидеть с телефоном в руках, слушая прерывистые гудки, как если бы они что-то значили. Ещё немного, и он начал бы воспринимать их как азбуку Морзе, будто телефонная трубка зачем-то пытается донести до него, что он дурак.

Её слова не давали ему покоя.

Пол посоветовал ей не принимать ситуацию близко к сердцу, но сам не следовал этой тактике. У него была своя ситуация. Которая должна была находиться как можно дальше от его сердца, но вместо построения ограждения он занимался самоанализом.

– Помогли как? – шептал он сам себе, пригубив стакан виски.

Пол не мог найти себе места: то сидел, то стоял, облокотившись на оконную раму, то ходил по кабинету, играя в словесные поединки с самим собой.

Он помнил в мельчайших подробностях все свои действия с момента их первой встречи. Но был не в состоянии построить причинно-следственную связь, так как не знал

всех составляющих уравнения. Ему было неизвестно, что российская разведка подозревала в нападении на культурный центр военизированную группировку «Дети саламандры». Он не знал и то, что «саламандры» являются частью зонтичной структуры, во главе которой стояло так называемое объединение «Всерадетель», курировавшее многие группировки в Мафазиму и соседних странах и выступавшее в сегодняшнем конфликте в Мафазиму в качестве оппозиционных сил действующему правительству. «Всерадетель» получал финансирование (в том числе плату за некоторые услуги частного характера) через юрлицо под названием «Cooperation for good, LLC. Mafazimu». Если тщательно отследить денежные потоки, пару раз оказавшись в тупике, то через несколько подставных фирм можно обнаружить, что его основным спонсором являлся Фонд Кайла Левенфорда. Кто такой Кайл Левенфорд, никто точно не знал, хотя в СМИ периодически фигурировали материалы о нём, его цитаты и фотографии, на которых, однако, не было видно лица (он всё время его закрывал). Многие сомневались в существовании данного человека, в его реальности, считая выдумкой нейросети. Однако Пол Блэквелл прекрасно знал, кто это. Это псевдоним одного доверенного человека Оливера Уотерса, который часто появлялся там, где нужны были способности канадца как «заклинателя диктаторов».

Сложив весь пазл воедино, Пол понял бы, почему Станислава Филин так резко отреагировала. И что его звонок Оли-

веру Уотерсу, возможно, и стал причиной трагедии. Но из-за отсутствия самого первого важного компонента – российских подозрений – Пол мог лишь смотреть в стену и думать, что он сказал не так.

Помимо личных причин, у Блэквелла были и профессиональные поводы для беспокойства. Он переживал, что провалил дипломатическую линию и фактически закрыл возможности для каких-либо переговоров с Россией. У него и раньше были неудачные опыты, однако в этот раз всё казалось в разы масштабней, к тому же он не придумал план восстановления статус-кво. Получается, что он ничего не мог поделать, только ждать, пока всё уляжется, и попробовать снова.

Кроме себя, он подводил и Оливера Уотерса. Кстати, да, он её обманул. Тогда в Кейптауне подойти к ней не было личной инициативой Пола Блэквелла. После общего заседания у него состоялась беседа тет-а-тет с американским президентом, который предложил Полу наладить связь с новым российским лидером, потому что она «кажется приятным человеком». Отказа он не принимал, ведь это было нужно для их общего атлантического блага, иначе Китай победит. Да ещё и с такой ресурсной базой.

– И надоело мне всё это, ссоры, конфликты. Понимаешь? – спросил его тогда Оливер. А Пол не очень понимал. Зачем Оливеру Уотерсу внезапно сдалась Россия, если он последние пару лет так бодро от неё отказывался? Какие кон-

фликти ему надоели, если он сам их устроил? Зачем ему ресурсная база, если есть вот он, Пол Блэквелл, и есть Канада, совсем рядом, с огромным запасом природных ресурсов? Да и сами Штаты не бедствуют. Зачем ему нужна Станислава Филин? Почему она внезапно захочет уйти от Востока-союзника к Западу-недругу? А нельзя как-то по-другому обыграть Китай?

Но вместо того, чтобы задать все эти вопросы, Пол Блэквелл только кивнул и сказал, что он «всё понял». Оливер попросил его придумать способ естественно возобновить диалог России и Запада, узнать, что за человек Станислава Филин, и сообщать ему о подвижках. В дополнение он в типичной наигранно легкомысленной манере сказал, что их договорённость «должна остаться между ними» – их ближайшим союзникам не стоит знать о канадско-американских проектах, так как «они могут нас неправильно понять».

Кое о чём Оливер, впрочем, не догадывался: что интерес Блэквелла к ней был искренним. Что единственная, на кого он смотрел до заседания, была именно она. Что он уже изучал каждое её движение, хотя никто об этом не просил. Что он был заинтригован, не понимая, почему. И что поэтому он очень надеялся, что ему не придётся с ней общаться.

А ещё Оливер Уотерс не знал, что Пол звонил ей весь день и что наконец-то дозвонился, чтобы выразить соболезнования, которые мог направить в письменном виде. Потому что это было очень надо именно ему, а не ей. Потому что он дав-

но так никому не сочувствовал. Потому что ему надо было понять, насколько она притворяется обычным человеком.

Ему пришлось признаться самому себе, что после этого звонка он впервые увидел в ней женщину, а не президента России. Почему – было не совсем понятно. То ли из-за её голоса, полного сожаления, то ли из-за манеры общения, то ли из-за отчаяния. Такая смена восприятия была для него опасна и удивительна, он сам её испугался, но, к сожалению, ничего не мог с этим поделать. Ему вдвойне было тошно, что он заметил в ней женщину именно в момент её наибольшей слабости, будто отказывая ей в силе.

– В чём твоя проблема, Пол? Тебе хочется кого-то спасти? Как насчёт спасти себя от падения в политическую пропасть? – продолжал он разговоры сам с собой.

Глубокий вдох, глубокий выдох. Залпом осушенный бокал виски. И надежда на спокойную ночь без сновидений.

После тяжёлого утра и нескольких часов разговоров с родственниками погибших Станислава отправилась из Кремля в загородную резиденцию. Лес московских многоэтажек постепенно переходил в лесной массив близлежащего Подмосковья, а её мысли превращались из тревожно-потерянных в хладнокровно-аналитические.

Компанию в машине ей составила Анастасия, которая хотела обсудить недавнее происшествие, но при этом настаивала на скорейшем отправлении Станиславы в резиденцию,

чтобы та перевела дух и всё-таки поспала после более двадцати часов бодрствования.

– Есть вести от Олега? – спросила Станислава отстранённым голосом, смотря на пейзаж за окном.

– Пока нет. Когда мы прощались, он собирался снова позвонить Чжэнь Юншэну, главе китайского ГРУ, ну, сама знаешь. Я буду держать тебя в курсе, если что-то изменится. Просто ему уже немного надоело, что я всё время торчу с ним в его Лесу. Говорит, что если я не хочу отправиться сама в Мафазиму выяснять все обстоятельства, то тогда мне надо валить, а наша дальнейшая коммуникация может осуществляться по телефону, – протараторила Анастасия.

Станислава кивнула, но не повернулась к ней. Она поморщилась, вспомнив, как не любила, когда Олег назначал ей встречи в Лесу – штаб-квартире СВР, – потому что он вечно заставлял её ждать и в итоге встреча могла не состояться. Но это было очень давно – во время её губернаторства, когда она приезжала в Москву.

– Он точно уверен, что это дел рук «Детей саламандры»?

– Улики у него косвенные, но он направил группу из Конго в помощь Мафазиму. До конца дня они должны дать уже окончательный ответ. То есть он надеется.

– А сама что думаешь?

– Ну есть только один самый очевидный ответ, откуда ноги растут, – Амурсанаева усмехнулась.

Станислава не совсем верила в то, что кто-то ради своих

интересов может так хладнокровно натравить террористическую группировку на ни в чём не повинных людей. Точнее, она не хотела в это верить, хотя и понимала, что подобное случается повсеместно. Что есть пешки, есть ферзи, а есть те, кто за этой шахматной доской управляет фигурами. Станислава не была наивна, но, как постоянно повторяла Анастасия, она была добра. До последнего отказываясь верить в уродство людей. Потому что она сама такой не была и мерила всё на себя: ей было сложно предать собственное слово, нарушить обещание и заставить кого-то, кроме себя, расплачиваться за ошибки и просчёты.

– Я не очень понимаю конечной цели. Зачем это Блэквеллу?

– Тебе может показаться, что я брежу, но не думаю, что Пол Блэквелл в данном случае виновен, – Анастасия пожала плечами, а Станислава наконец-то повернулась к ней лицом. – Мне кажется, что он сдержал своё слово и передал твои слова Оливеру Уотерсу. В каком виде, без понятия, но вряд ли без искажения. А вот Уотерс... – она покачала головой. – Решив, что твои требования вредят его репутации жёсткого лидера, или, не знаю, там великого стратега с твёрдыми убеждениями, он пошёл на хитрость. Через прокси создал контролируемую катастрофу, ну или через Левенфорда. Тут у него две цели. Первая – окончательно втянуть тебя в разборку в Мафазиму. Культурный центр не диппредставительство, он не защищён Венской конвенцией, и казус

белли не создаст, но этого хватит, чтобы втянуть тебя в конфликт. То есть требования он твои может и не выполнять, ведь теперь тебе придётся вмешаться, иначе ты проявишь мягкотелость, оставив без ответа направленную на Россию террористическую угрозу. А это репутация, которую тебе надо нарабатывать: в России и мире. Вторая цель – сомнительная, конечно, – рассорить нас с Китаем и Мафазиму. Думаю, что это был предупредительный выстрел. Потом ещё какие-нибудь идиоты из «Всерадетеля» нападут на предприятие китайцев, а там Левашин со своей частной армией стоят, не отобьют – всё, до свидания. Группа, небось, ещё будет состоять из бывших приспешников Макамбо, типа там военные, которые легли под «Всерадетеля». Ну, условно оппозиция.

Анастасия говорила очень быстро, когда была возбуждена и увлечена процессом, поэтому Станислава не сразу ей ответила. Переваривала сказанное и пыталась понять направление её мысли.

– Но если нападут, то китайцев тоже в это втянут.

– А я вот не знаю. Они ведь могут китайцев не трогать, а так, перебить левашинских. Ну с расчётом на то, что тот психанет и уберёт своих ребят. Или с нами поконфликтует. А китайцы такие: «Эй, что за дела?» А Левашин такой: «У них были нашивки армии Мафазиму, они люди Макамбо!» А мы такие: «Ой, блин, нас предали!» Ну, и занавес, – Амурсанаева выдохнула.

– План не очень хороший, если ты его так просто раскрыла. Мы всех предупредим, и дальнейшие мероприятия будут бессмысленны, – Станислава развела руками.

– А они особо умом никогда не отличались, – Анастасия скорчила физиономию. – Да и не угадаешь, что они там на самом деле придумали. Я же так, размышляю, теории строю. Всё в гипотетической плоскости.

Теоретические способности Анастасии часто оказывались сверхъестественными. Она много что предсказывала, а кое-что сбывалось и вовсе точь-в-точь. Станислава иногда задумывалась, что такой гений аналитической мысли и специалист широкого профиля по внешней политике, как она, была сначала в качестве политтехнолога на региональных выборах, а потом в офисе губернатора Тюменской области. Получается, Анастасия просто видела в Филин небывалый потенциал, который и её саму в итоге привёл к кремлевским звёздам.

Станислава с Анастасией зашли в резиденцию. Советница сказала, что пойдёт в свою «каморку, чтобы держать руку на пульсе» – так она называла небольшое помещение, специально выделенное для неё в доме, – а самой Филин посоветовала отдохнуть. Президент коротко кивнула и направилась в сторону собственной спальни. Пока она шла по коридору, к ней навстречу выбежал мальчик лет шести с криками:

– Мама приехала!

Филин села на корточки и поймала его в свои объятия.

Он обнял её и, хихикая, начал показывать рисунок, который нарисовал.

– Смотри! Это ты, это я, это дядя Олег и тётя Настя, – он показывал пальцем на непропорциональных человечков, которые были разукрашены очень странным выбором красок.

– Какая красота. А это кто? – Станислава указала на странное серое пятно рядом с «дядей Олегом».

– Это – Эскимо! – восторженно закричал мальчик.

Так звали щенка сибирского хаски, которого Станиславе подарил предыдущий российский президент Георгий Чернов в честь её победы на выборах. Он был частью потомства собаки Чернова, которая, по его же словам, «родила именно в нужный момент». Георгий посчитал символичным подарить именно ей одного из щенков как знак законной передачи власти.

– Теперь в вашем доме будут жить одни сибиряки, – сказал он тогда.

Правда, больше всего в восторге от подарка был именно маленький Всеволод. Он же и дал имя щенку.

Шестилетний мальчик на самом деле был не её сыном, а её племянником. Их общая с Олегом сестра, Ирина, погибла через несколько месяцев после рождения Севы, и Станислава его усыновила. Кто был отцом Всеволода, никто не знал, кроме биологической матери ребёнка, но она ничего не говорила о нём.

Ирина была антропологом, специалистом по коренным

малочисленным народам Севера России (в основном – Сибири), изучала быт отдалённых поселений, которые вели традиционный образ жизни, и часто ездила в экспедиции, в том числе вместе с кочевниками. В одной из таких поездок Ира забеременела, наотрез отказавшись сообщить, кто отец ребёнка.

– Разве это так важно? – спрашивала Ира у Станиславы.

Филин не понимала её логики, но не могла спорить. Когда родился Всеволод, стало понятно, что отцом был выходец из малых народов Сибири, а не коллега-учёный, как предполагала Станислава: у мальчика были явные антропологические черты североазиатского типа, хоть и смешанные с материнскими славянскими генами.

Через несколько месяцев после родов неугомонная Ирина отправилась в очередную экспедицию, потому что не могла долго находиться вдали от своего научного интереса, оставив ребёнка своей сестре. В итоге она сорвалась со скалы, и Олег ещё долго говорил, как же это глупо, ведь она обычно путешествовала по Западно-Сибирской равнине. Станислава пыталась сначала найти отца мальчика, но поняла, что это бесполезно: она даже не знала, из какого конкретно народа он был, поэтому с благословения Олега решила воспитать Всеволода самостоятельно. Так он стал её сыном. И она больше никогда не воспринимала его как своего племянника.

Всеволод уже тянул её за руку в свою комнату, чтобы показать, какого робота из подручных материалов он собрал

вместе со своей няней, которая одновременно была для него кем-то вроде учителя подготовительного класса. Увлечённость Всеволода конструированием всегда поражала, ведь никто из их семьи не увлекался этим. Она смотрела и улыбалась, а мальчик ей что-то увлечённо рассказывал, но Станислава общалась с ним по инерции. В её голове были совсем другие мысли.

Филин думала о Мафазиму, людях внутри культурного центра, страхе и выгоде. Ей казалось, что вся ситуация похожа на работа её сына: он заработает, только если правильно присоединить провода и детали. Значит, кто-то пытается собрать этого самого робота из Мафазиму? Или из неё? Какая роль Пола Блэквелла во всем этом? Он конструктор, архитектор или, как и она, часть этого робота, которым в конечном итоге должен кто-то управлять?

Ей и без этого африканского робота постоянно кто-то управлял: то Олег, то Анастасия, то невидимая рука Георгия Чернова, которую она чувствовала чуть ли не повсеместно. И не могла понять, кажется ей или в Кремле действительно нет «её людей», а есть только тени бывшего президента России. И сначала всё это её устраивало, так как давало лишнюю опору, своеобразное право на ошибку, ощущение, что тебя всегда подстрахуют. Но теперь она уже не хотела доказывать кому-то, что достойна этого места под солнцем. Хотя и продолжала воспринимать Мафазиму как некий экзамен. Где она не могла провалиться.

Помимо кукловодов в окружении, вокруг своей шеи она всё чаще ощущала африканскую удавку, которая обязательно станет её погибелью, если она прежде всего сама себя не примет в роли президента.

Каждый раз покидая Кремль, она пыталась оставить там все дела, не перенося их за свой воображаемый МКАД. Ей было легче дышать в резиденции, легче быть. Всеволод заставлял почувствовать себя простым человеком, обыкновенной женщиной, которая находится очень далеко от самого важного поста в стране. В её руках была сосредоточена огромная власть, но именно в этом помещении рядом со своим сыном она совершенно не ощущала этого.

Пол сказал ей, что она хороший человек. Хороший ли она политик? Хорошая ли она мать? Хороший ли она президент? Позволено ли ей быть кем-то, кроме президента?

Минула ещё одна неделя после «катастрофы в Мафазиму», как её окрестили в СМИ. Ответственность за этот теракт никто на себя так и не взял. Российская сторона продолжала молчать про исполнителей, но Пол Блэквелл от своей разведки узнал, что присутствие частной армии россиянина Геннадия Левашина в Мафазиму увеличилось. В частности, появились специалисты «особого профиля»: то ли политтехнологи, то ли универсальные солдаты.

Левашин отлично умел скрывать, чем именно занималась его организация. Все считали, что это наёмники, однако ра-

бота его конторы явно не ограничивалась простыми охранно-военными задачами. Они действовали только в Африке и присутствовали практически в каждой стране континента. Так как её нахождение обычно было согласовано с правительством африканских стран (хоть часто и тайно), никто из коллективного Запада ничего не мог с этим сделать. Официально никто даже не мог доказать связи между всеми отделениями организации и, собственно, российским правительством: группы Левашина носили разные имена, выполняли разные задачи, отчитывались разным людям, а сам Левашин выступал в роли частного лица, обыкновенного бизнесмена. Неофициально на Западе все называли эту сборную солянку «Хакуна Матата» в честь расхожего выражения на языке суахили, обозначающего спокойное состояние души, где не надо ни о чём беспокоиться. Конечно, это была некая издёвка с намёком, что Левашин лишь создаёт вид деятельности, а на самом деле бьёт баклуши.

Оливер Уотерс так и не перезвонил в офис канадского премьер-министра. И Пол уже начал думать: неужели американский президент и катастрофа в Мафазиму как-то связаны? Наверное, он мог бы его понять: в конце концов, на кону стояли его репутация, доход его корпораций и, конечно, честь и слава Соединенных Штатов. Блэквелл любил прагматичные решения, и с точки зрения американского президента цель оправдывала средства. И жертвы. А с точки зрения Пола? Сделал бы он так же? Принёс бы кого-нибудь в жерт-

ву ради своих целей? Блэквелл соврал бы, если бы сказал нет. Его «жертвы», впрочем, обычно не умирали в прямом смысле этого слова. Больше – в политическом, моральном. Никакой физики.

Играя в международные политические игры, он постепенно терял способность проявлять сочувствие, а позже – разучился удивляться. Какая катастрофа тебя удивит, если они происходят каждый день? Только с точки зрения нарушения личных планов. В конце концов, он перестал злиться и что-либо порицать. Оливер всегда использовал своё любимое дурацкое слово, которое Блэквелл ненавидел. «Не играй со мной в анимадверсию, Пол», – злобно говорил он ему, когда канадец изображал из себя великого морализатора. Или пытался это делать. Так его стремление к правильному и закончилось. И он подумал: кто вообще в мире точно знает, что правильно, а что – нет, если всем управляет выгода? Пол был выгоден Канаде, Пол был выгоден Оливеру, Пол был выгоден всем. А кто был выгоден ему?

Станислава Филин стала первой за многие годы, к кому он проявил сочувствие, потому что считал происходящее нечестным. Хотя Пол считал, что растерял и чувство справедливости где-то на шоссе рациональных схем и выгодных предложений.

Из мыслей его вырвала фраза, которую он отчаянно ждал услышать всю последнюю неделю: «Кремль просит звонок».

– Госпожа Филин, – тут же произнёс Пол в трубку, стара-

ясь скрыть своё возбуждение.

– Здравствуйте, господин Блэквелл.

Станислава была спокойна и непоколебима. Холод в её голосе несколько обескуражил Пола, особенно после столь откровенного предыдущего звонка. Он тешил надежду, что сумел растопить хотя бы часть её неприступной ледяной крепости.

– Как вы себя чувствуете?

– Хорошо, – ответила она и, задумавшись, добавила: – Лучше. Спасибо, что спросили.

– Чтобы вы знали, я сделал это не из вежливости.

Она медлила с ответом. Как будто у неё в телефон был встроен детектор лжи, и она следила за его показаниями.

– А почему мне нужно это знать?

И правда, Пол об этом как-то не подумал.

– Я... Оливер Уотерс мне так и не ответил, если вы звоните по этому поводу, – тут же выпалил он, переводя тему. Не хватало ему ещё одной оплошности.

Станислава ухмыльнулась – Пол слышал смешок.

– А он ваш кумир, да?

– Вы знаете, я вообще не сторонник кумиров. Я стараюсь не возносить никого на пьедестал и никем не восхищаться.

– Да что вы? – вновь эта издёвка в голосе, которую именно от неё он совершенно не переносил.

– Вы мне не верите?

– Вы пока что не заслужили моего доверия. Но правиль-

но. Все признанные великими личности были сомнительны, если не тираничны и аморальны в своей сути.

– Потому что мы оцениванием их с позиции сегодняшней морали. Для своего времени они были вполне себе ничего, – парировал Пол.

– Конечно, а с какой позиции нам ещё смотреть? Люди любят и ненавидят своих кумиров одинаково страстно. Противоречивость – вот что запоминается и остаётся в истории. Пресность стирается, исчезает. Поэтому я не удивлюсь, что ваше восхищение Оливером Уотерсом состоит из противоречий.

– Я уже сказал вам, что не люблю концепцию «кумира». Вы пытаетесь меня поймать?

– Нет, что вы. Как вы сказали тогда? Я пытаюсь узнать вас получше, – Станислава растворилась в попытках спародировать его интонацию, но у неё ничего не получилось.

Пол рассмеялся, его действительно это позабавило – её сарказм, смена тактики, даже некоторое позёрство. Но все это звучало так неестественно для неё, притворство ощущалось сразу же, но Блэквелл не знал, нарочно она сделала это настолько фальшивым или нет. В конце концов, вряд ли такой опытный политик, как она, не умела врать.

– Отрадно, что вы всё-таки меня слушаете.

– Не знала, что для вас это такая редкость, – она ухмыльнулась.

– Вы позвонили родственникам?

– Конечно. А вы думали, что я не справлюсь?

– Простите, если кажется, будто я пытаюсь вас как-то за-
деть, – ретировался он. – Я спросил, потому что это было
важно для вас.

– Я не... Спасибо за беспокойство и... советы, они были
полезны.

– Рад, если помог. И если смогу помочь ещё. У меня ещё
много советов. Вы... обращайтесь, если что, – Пол ухмыль-
нулся.

На секунду Станиславе показалось, что он не премьер-ми-
нистр Канады, а она не президент России. Что они два со-
вершенно обыкновенных человека, давние знакомые, кото-
рые разговаривают о чём-то простом. О человеческом.

– Как лидер государства к лидеру государства? – спросила
она, имитируя заинтересованность.

– Ну или как страна к стране. Вы же любите олицетворе-
ния.

– В данном случае мы вряд ли бы с вами близко обща-
лись, – Станислава покачала головой.

– Значит, есть случай, при котором это возможно? – в его
голосе теплилась надежда, хотя он и не хотел делать её ви-
димой для неё.

«Ну и вопросы у него, ну и уловки», – думала Филин, пы-
таясь каким-либо случайным звуком не выдать своё напря-
жение. Пол же улыбался в трубку: ему нравилось ставить её
в неловкие ситуации, заводить в тупик собственных выска-

зываний. Он охотился за ней, пытаясь поймать в свои заранее расставленные ловушки. Изначально Пол хотел добиться её расположения ради своих корыстных целей: потешить эго, обрадовать Уотерса, доказать всем вокруг, что он и не такое может. Но чем больше Блэквелл с ней общался, тем больше его затягивало в ситуацию, где правила устанавливал далеко не он.

– Ладно, хватит с вас светских бесед, – Станислава кашлянула. – Я хотела обсудить с вами произошедшее в Мафазиму.

Улыбка покинула лицо Пола, и в мгновение на него вернулась серьёзность. Даже некая траурность, хотя зачем? Она бы всё равно не увидела его актёрские способности, притворное сожаление и общую грусть в глазах.

– Я так понимаю, вы ещё ведёте расследование и не знаете, кто это сделал? – Пол был заинтересован, сведений у него самого было не так уж и много.

– О нет, что вы. Мы прекрасно знаем, кто это сделал. Поэтому в нашей договорённости появились новые условия.

Пол выпрямился. Она застала его врасплох.

– Что... Какие? Кто это сделал? – речь Блэквелла была несколько сбитой.

– «Дети саламандры», – коротко ответила она. – А знаете, что самое интересное? Что представители этих «саламандр» почему-то находятся в составе управленческой структуры «Всерадетеля».

Дальше ему не надо было рассказывать. Всё собралось воедино. Пол прекрасно понимал, что это значит, и даже почему Россия официально так и не назвала никого в качестве исполнителя.

«Всерадетель» был изначальным планом Оливера Уотерса по смене правительства в Мафазиму на прозападное. Несмотря на то что в основном это объединение состояло из военизированных группировок, которых использовали для охраны добывающих компаний до смены власти, а теперь спонсировали для продолжения надзора за национализированными объектами. Они были хорошей ударной силой, состоявшей из бывших военных и способной в результате переворота получить власть в Мафазиму. Однако «Всерадетелю» мешала левашинская «Хакуна Матата», которая не давала даже близко приблизиться к Сесилию Макамбо, а также переманивала некоторые группировки на свою сторону. В итоге «Всерадетель» мог только мелко пакостить и устраивать диверсии, антиправительственные шествия и беспорядки. Контролируемый хаос. Официально, конечно, Запад не поддерживал «Всерадетель», заявляя, что это абсолютно автономная группировка (она в действительности и была такой изначально, её просто «купили») с «антиколониальной риторикой». А месторождения они захватили по принципу «отдадим только национальной компании Мафазиму» (которой не существует). Да и со стороны казалось, будто «Всерадетель» больше вредит Западу – захватил месторождения

и никого не пускает. А связь с Фондом Кайла Левенфорда действительно было сложно обнаружить. Хотя именно после прихода к власти Макамбо «Всерадетель» стал политической силой, которую Запад как раз признавал и требовал «считаться с ней».

Пол всегда говорил Оливеру, что план обречён на провал, потому что «Всерадетель» неуправляем и никаких гарантий нет, что потом он же не укусит руку, которая его кормит: это сотрудничество основывается на деньгах, а не лояльности и высоких идеях, которые можно было бы подпитывать и без денег. Да, пока их цели совпадали – свержение действующего режима в Мафазиму, но что начнётся после? «Всерадетель» не мог предложить стабильной идеи для страны, кроме борьбы с колонистами, которых точно сделает из Запада. А значит, закончится всё ситуацией, подобной той, что была Афганистане с «успешным» свержением «Талибана». Уотерс не был с этим согласен, так как считал, что в данном вопросе деньги действительно решат многое, а антиколониальная риторика – это лишь популизм.

В случае, если выяснится, что «Всерадетель» причастен к теракту на мирный объект иностранного государства, он с большой долей вероятности потеряет финансирование – особенно если Россия запустит процедуру включения «Всерадетеля» в список террористических организаций ООН, а, значит, и шансы Запада вернуться на рынок Мафазиму без Станиславы Филин сведутся к нулю. Оливеру Уотерсу

придётся во всех смыслах отрестититься от «Всерадетеля», дабы избежать публичного линчевания накануне собственных выборов из-за собственных призывов признать организацию официальной оппозицией. Которая как некстати окажется в списке террористов. А какой смысл Оливеру держать на балласте такую бесполезную организацию, которая после этого вряд ли сможет прийти к власти в Мафазиму?

– Знаете, мы же не ироды. Так подставлять вас, – Станислава здесь лукавила. У них были только косвенные доказательства прямой связи «Всерадетеля», Кайла Левенфорда и Оливера Уотерса, но Полу не обязательно об этом знать. – Передайте господину Уотерсу, что у меня для него три условия, если он хочет что-то получить от пирога Мафазиму и не слыть спонсором террористов. Первое – выдать нам все данные о местонахождении «Детей саламандры». Особенно интересуют главари. И снять с них прикрытие со стороны «Всерадетеля». Мы их сами поймаем. Второе – снятие санкций с компаний из списка, который я вам направляю. Всего сорок позиций – столько, сколько людей погибло в нашем культурном центре. И последнее – с этого момента урегулированием вопроса в Мафазиму мы будем заниматься официально, а не подпольно. Правительство Мафазиму попросило меня выступить посредником. Кого будете представлять вы – «Всерадетель», американские компании, Санта-Клауса – выбирайте сами. Детали и как это будет выглядеть для остального мира сможем обсудить по прибытии вас с офи-

циальным визитом в Россию. Предложение действует ровно сорок восемь часов, по истечении которых мы объявляем «Детей саламандры» террористической организацией, и если она на тот момент ещё будет значиться как часть «Всерадетеля», то, что ж, думаю, ваш намёк о невозможности нашего сотрудничества будет вполне ясен. Тогда вопрос буду решать я самостоятельно, и, поверьте, этот путь кое-кому совсем не понравится.

Пол опешил. От её уверенности, продуманного плана и чёткой речи. Он как будто узнавал её заново. Вот она меланхолично философствует на тему власти, а вот ставит ему условия, адекватные её запросам. И времени. Как будто он ожидал чего-то другого от президента России. Как будто от того, что недавно разглядел в ней женщину, она перестала быть главой государства.

А Станислава надеялась, что у неё получилось сыграть роль ультимативной королевы Севера. Получилось показать свою жестокость, стойкость, непреклонность. Не хватало только, чтобы Пол Блэквелл считал её лёгкой целью для манипуляции или проявления силы своего красноречия. Эти условия они разработали втроем: она, Анастасия и Олег. Причём Филин больше слушала их советы, чем что-то предлагала сама. Хотя идея снятия санкций с сорока компаний принадлежала именно ей.

– Значит, зовёте меня в Москву?

– В первую очередь это всё надо вам. Я сама никуда не по-

еду решать ваши проблемы.

– Но теперь это и ваши проблемы.

– И кто же в этом виноват? – она подкипала, но понимала, что Пол специально задевает её за живое. Провоцирует.

– Вы правда считаете, что он способен на такое? – осторожно спросил Блэквелл.

– Разве не вы мне сказали, что ему всё равно, захлебнётся Мафазиму в крови или нет? – Станислава на некоторое время замолчала. – Я бы не хотела, чтобы так было. Но как показывает история...

– А вы не считаете это предубеждением? Что из-за нашей вражды вы сразу считаете, что виновата противоположная сторона? – Пол немного был раздражён. Что она использовала его же слова против него.

– Как будто вы делаете по-другому. Вот где-где, а здесь мы с вами очень похожи! – съязвила она, а потом сделала глубокий вдох и выдох. – Как же вы не поймёте. Мы так хотели быть на вас похожи. Смотрели с обожанием и восхищением. Да что скрывать, некоторые и сейчас хотят быть похожи. У вас была идея, красивая картинка, красивая подача. Но эта прекрасная иллюзия волшебника на голубом вертолёте рассыпалась. Всё теперь по отношению к вам не имеет смысла и значения, от вас уже никто не ждёт ничего хорошего. Мы всё больше отдаляемся от вас, потому что были слишком привязаны. Вы обманули нас, а мы такого не прощаем. Предубеждения рождаются не на пустом месте. Предубеж-

дения нужно заслужить. В наших отношениях, к сожалению, главной стала презумпция виновности, а не наоборот.

Она зачем-то пыталась ему что-то объяснить. Позицию народа через себя или свою позицию через народ – в её голове всё слишком смешалось. Станислава очень хотела, чтобы он её понял. Ей казалось, что если она будет разъяснять позицию чётче, то тогда можно будет предотвратить катастрофы большего масштаба. Если бы все баталии были словесными, то никому не пришлось бы умирать. Боевое ораторское искусство.

– Вы так говорите, будто белые и пушистые. Будто всё случилось просто так. Будто вы сами нас не ненавидите, – Полу было очень важно сказать именно это. Он очень хотел, чтобы она вся захлебнулась в желчи, в ненависти. Ему так было бы проще, он бы развидел в ней женщину и – что важнее – человека. Она бы осталась просто российским политиком. Как он изначально и хотел. Кем изначально она для него и была. До того, как Пол увидел её в Кейптауне.

– Почему вы вообще считаете, что мы испытываем какие-либо сильные эмоции относительно вас? Большей части населения как минимум не до вас. Мало кто просыпается каждое утро с отъявленной ненавистью к Западному миру. Людям безразлично. У них свои проблемы, свои жизни. Разочарование? Возможно. Но ненависть? Вы сами создали образ, в который поверили. Иллюзия взаимной ненависти. В глубине своей души мы очень сердобольны. Особенно

женщины. Возможно, это минус. Возможно, я сужу по себе.

Пол на несколько мгновений затаил дыхание. Он хотел у неё спросить, а она лично испытывает ненависть? Он её раздражает? Не хочет ли она каждый раз во время их разговоров послать его куда подальше? Но сдержался.

– Почему вы считаете это минусом?

Она долго молчала. Собиралась с мыслями и обобщениями, чтобы не выдать себя с головой. Станислава уже сама запуталась, где она играла в игру, придуманную Олегом, а где была сама собой. Где она пыталась поймать канадского премьер-министра в ловушку, а где сама оказывалась в его сетях. Он почему-то всё время заставлял её откровенничать, ничего не говоря про себя. Филин сама ему рассказывала о своих страхах. Ей казалось, они чем-то похожи. Что он её поймёт. Что он с ней не играет.

– Мы... Очень хочется, чтобы люди вели себя справедливо и честно. Но в нашем положении проявление милосердия чревато ужасными последствиями. Люди уважают только силу. Что бы кто ни говорил.

– Я всегда честен с вами, Станислава. И я очень хочу, чтобы вы верили мне, – голос Пола был успокаивающим, как у переговорщика во время захвата заложников.

«Да при чём тут вы?» – хотела спросить российский президент. Она ему пыталась рассказать о высоком, а он снова опускался до личностей. Неужели Пол ничего не понял и она зря перед ним так извивалась, словно английская буква S,

стараясь донести до него российскую народную философию. Это разочаровывало. Даже обескураживало.

И его слова. Они были такими общими, такими отстранёнными. Как будто у них очень мало времени, а ей надо поверить ему прямо сейчас. Ей было тошно, что за две фразы он перечеркнул её представление о нём. Разве люди, которые честны, просят, чтобы им поверили?

Блэквелл же не знал, что ему сказать. Она вновь застала его врасплох, но он не чувствовал правдивость в её словах. Ему казалось, что она тоже врёт ему и что ему нужно доказать свою надёжность, чтобы двери в мир Станиславы Филин наконец-то действительно открылись ему. Однако он же и начал их знакомство со лжи, сказав, что сам решил к ней подойти. И вот он вновь врёт ей, что никогда не врал. Хочет, чтобы она зачем-то верила. То ли ему, то ли в него.

– А как мне проверить ваши слова?

Она была хитра, а он обречён попасться.

– Вы спрашивали, зачем я стремился к власти. Я хотел стать достойным сыном своего отца, но он... Он так и не увидел хоть что-то достойное во мне.

«Что сделало с ней его откровение? – думал Пол. – Теперь она пустит его в свою душу? Теперь-то он прошёл её детектор лжи. Этого достаточно для завоевания её доверия?»

– Возможно, ваш отец сам недостойн такого сына, – лишь сказала она через несколько минут молчания.

– А ваш отец гордится вами, госпожа Филин? – внезапно

спросил Пол.

– Позвоните господину Уотерсу, – и звонок прервался.

Блэквелл уже проклял себя за последний вопрос, который явно был задан слишком рано, за его внезапный и разрушающий интерес. На долю секунды ему показалось это логичным, ведь Пол говорил о своём отце, но он же сам начал данный разговор. Никто не просил его откровенничать. Просто он хотел хоть как-то подтвердить свои слова о честности, сказать ей правду, чтобы она сказала правду ему.

А что ему делать, если она ещё более искусный лжец, чем он?

Глава 4. Враг

*Карфаген должен быть разрушен.
Катон Старший*

Ещё ни к чему в своей жизни Пол не готовился так скрупулёзно и, казалось, так долго. Тщательно спланированное перемещение строго по графику, замечания на полях которого лишь усугубляли серьёзность его намерений и присутствия в России. Путь расписан, будто они играли в морской бой: попадание не в тот квадрат грозило не то ранением, не то смертью. Он не мог позволить даже одной простой детали, в сущности – оплошности, разрушить мост, который так страстно пытался реконструировать. И так отчаянно.

В Россию официально он ехал не по делам Мафазиму: как это будет выглядеть в глазах мировой общественности, если два белых человека сядут решать вопросы одной африканской страны, да ещё и без её участия? Пол ехал выполнять свою часть сделки, «налаживать отношения» с Москвой, а уже там, на месте, Станислава Филин должна была представить ему свой план по урегулированию ситуации в Мафазиму. Но что значит свой? Она, насколько ему было известно, вела переговоры с ООН, Африканским союзом, Сесилем Макамбо, соседями Мафазиму, Геннадием Левашиным... Задача же Пола была в том, чтобы «Всерадетель»

знал своё место, а «Дети саламандры» – его потеряли, подвергнувшись остракизму.

Оливер Уотерс клялся Полу, что не имел никакого отношения к произошедшему в Мафазиму. Клялся и приводил доводы.

– Там всё и так плохо, и делать ещё хуже? Для чего мне, по-твоему, это нужно? – спрашивал Пола американский президент и пронзительно смеялся.

Его смех прорезался сквозь слои противолицемерной обороны Пола и достигал сознания, заставляя ухмыляться. Оливер смеялся, а потом очень натурально выражал сожаление о случившемся, уверяя Блэквелла, что более потрясенного событиями в Мафазиму человека, чем он, вряд ли можно было бы найти во всей Северной Америке.

Уотерс говорил ему, как тот был прав про «Всерадетель». Что это нельзя полностью контролировать, что это нельзя поймать, нельзя купить. Что если бы он знал про террористическую ячейку внутри «Всерадетеля», он бы сам с ней давно разобрался, ведь война с терроризмом всегда была его приоритетом. И как он благодарен Полу за посредничество с президентом России, которая оказалась «таким замечательным человеком». Сам бы познакомился, да пока не может в силу политических причин. Но вот Блэквелл молодец, что противостоит стереотипам, а главное – себе. Оливер окутывал его лестью с ног до головы, затмевая ему разум, а Пол был и не против. По крайней мере, это внушало канадцу правоту

собственного пути.

– Не было смысла втягивать Россию, да ещё и так открыто, это ведь лишает подпольных манёвров, Пол... Неужели ты сам не видишь, Пол?... «Всерадетель» уверяет, что «Дети саламандры» сделали всё сами, это была их идиотская инициатива, и как же ты был прав, Пол!.. А Станислава Филин? Что ты от неё хочешь? Ты бы по-другому подумал, будь у тебя такие же данные? Я могу её понять, почему же не можешь ты, Пол?... – Оливер Уотерс продолжал его уверять, хотя канадский премьер-министр не понимал, зачем.

Его повторения были для него *ad nauseum*. Он ведь не считал своего соседа в чём-либо виноватым, совершал он или не совершал нечто подобное. В конце концов, есть цель, есть средства, есть оправдания. Но это не мешало Полу задумываться о ролях в этом спектакле, о намерениях сторон и о морали. Задавать внутренние вопросы о сути вещей. Чтобы не терять аналитические способности.

– Она, конечно, интересный персонаж, хоть так сразу и не скажешь. Но, Пол, что бы она тебе ни говорила, ты должен помнить, что из нас двоих только я твой друг, – сказал ему напоследок Уотерс.

К чему был этот заключительный аккорд, осталось загадкой, ведь весь их разговор, помимо постоянного повторения тезиса о невиновности США, Оливер Уотерс пытался внушить Полу намёками и полунамёками, что Станислава Филин не столько соперник и враг, сколько их общий друг и то-

вариш, которому надо открыться, но не совсем, чтобы завладеть, но тоже не всем.

Метаморфозы отношений несколько запутывали Пола Блэквелла. Движение вслепую вряд ли могло помочь ему понять, как быть и что делать. Он вступал на трап самолёта с невыносимым чувством дежавю: он снова летел в Россию, надеясь на понимание и исключительный ум Станиславы Филин. Правда, в этот раз в самом себе он был уже не так уверен, хоть и считал, что в состоянии завоевать северный дворец, полный снега и льда.

– Скажи честно, это Оливер тебя попросил? – осторожно спросил в самолёте Лерой Макферсон.

Пол лишь усмехнулся и покачал головой. И задумался о том, сколько вещей в жизни он вообще сделал по просьбе Оливера Уотерса.

– Что именно?

– Согласиться на эту поездку.

Канадский премьер-министр не думал, что его советник окажется так любознателен, хотя и не удивлялся. Всё-таки он ничего ему не рассказывал о разговоре в Кейптауне, но почему-то решил, что Макферсон догадается сам. В конце концов, из-за своего упрямства и нежелания признавать искренний интерес Пола к Станиславе он должен был придумать причину, зачем и почему происходят их контакты. С другой стороны, определённая неосведомлённость Лероя означала, что и российский президент могла отбросить свои подозре-

ния о начальной инициативе, а, значит, он хорошо сыграл свою роль.

– Лерой, не будь дураком, – достаточно грубо ответил Пол и принялся ему объяснять, что именно попросил его сделать Оливер Уотерс. После рассказа советник даже немного повеселел. Ведь в таком случае Пол Блэквелл лишь выполнял чужую просьбу, а не сходил с ума из-за собственного, личного желания склеить невозможное. С этим Лерою было жить намного легче.

Впрочем, не знал Макферсон, что Пола разрывали противоречия. Что его заполняли опасные желания, опасные идеи. Что он сгорал от нетерпения увидеть Станиславу Филин, но одновременно не хотел бы никогда с ней больше встречаться. Его мечты упирались в решимость, эгоцентризм – в благодетель. Иногда Полу казалось, что он очень слаб, особенно – политически. Но так как такое состояние было для него фатально, он закрывал его постоянными разговорами о собственном превосходстве.

– Только оставь это между нами, – вдогонку сказал Пол. Лерой коротко кивнул.

– А ты молодец! – советник рассмеялся. – Хорошо всё разыграл. Я же с пеной у рта в кабинете у этой Анастасии доказывал, что мы тут по своей инициативе! Видишь, тоже вклад в общую легенду.

Пол фальшиво усмехнулся, но Лерой не заметил ни лжи, ни задумчивости в его глазах. Он вообще часто не замечал

вещи, которые не вписывались в его картину мира. Но в данном случае Блэквеллу это даже было на руку.

– Кто такая Анастасия?

– Советница Филин. Ты, скорее всего, видел её, она постоянно рядом трётся.

– М-м, точно. Не знал её имя.

Пол удивился сам себе. Сколько они ходят вокруг друг друга, а не знают такие банальные вещи. Хотя здесь он и обобщал. Интересно, знает ли она, как зовут его советника, или из них двоих только он строит из себя не пойми кого?

– У тебя всё хорошо? – внезапно спросил Лерой.

– Да. Просто мне кажется, что... – Пол посмотрел на своего советника. Он хотел сказать, что ему кажется, будто всё плохо закончится, но интуиция не была сильной стороной его натуры, поэтому он прервал сам себя. – Кажется, я забыл, что хотел сказать.

– Наверное, это было не так важно.

Пол пожал плечами и вновь посмотрел в иллюминатор, за которым была глубокая ночь, и только сигнальные огни самолёта и звук двигателей напоминали о том, что это всего лишь темнота, а не бесконечная пустота.

Его глодало внутреннее чувство вины, которое он испытывал заранее за то, что едет то ли её вокруг пальца обводить, то ли обманывать сам себя. Но почему? По всем своим моральным компасам, он не делал вообще ничего плохого, даже больше – он относился к ней с гораздо большим уваже-

нием, чем к некоторым другим лидерам государств. Да и Уотерс не то чтобы просил его её уничтожать, а совсем обратное. И тем не менее где-то внутри ему было противно переманивать её и что-то там доказывать, чтобы она сделала так, как хочет кто-то другой. Хотя Пол сам искренне верил в правильность как своего пути, так и их с американским президентом общего плана.

– Как думаешь, она позовёт ООН? – спросил Лерой, вновь выводя Пола из его глубоких размышлений. Прежде чем повернуться к советнику, Блэквелл закатил глаза. Иногда ему казалось, что его собеседник похож на раздражающую муху, которая постоянно жужжит у уха и её никак не удастся прибить.

– Конечно.

Макферсон сделал недовольное, даже раздражённое лицо. Что конкретно его бесило в данном случае – сама организация или факт её привлечения, – сказать было трудно. Лероею точно не нравилось, что в этой схеме присутствовала Станислава Филин, а всё остальное было лишь дополнительным раздражающим фактором.

– Как глупо-глупо. Могли бы всё и без них решить, – советник покачал головой.

– Да? Я думал, тебе нравятся игры в международное право.

– В них интересней играть, когда тебе в рот смотрят, а не говном поливают с головы до ног. И знаешь, в последнее

время вся вот эта конторка со штаб-квартирой в Нью-Йорке напоминает огромную схему по отмыванию бабла, – Лерой улыбнулся, а Пол не понял, это он так шутит или взаправду. Ведь раньше он не слышал таких радикальных настроений по поводу ООН, хотя Макферсон был далеко не преданным фанатом организации.

– Тебя бесит, что тебе ничего не досталось, что ли? – Пол подтрунивал над ним.

Лерой залился смехом и похлопал премьер-министра по плечу.

– Вот что мне в тебе нравится, Пол, так это чувство юмора. Блэквелл, впрочем, слышал в его голосе внутреннюю обиду на ООН. В своё время советник хотел там работать, но его не взяли. Сказали, что Лерою Макферсону не свойственна беспристрастность: он всегда выбирает сторону, за которую нужно болеть. А в ООН нужны люди, которые, несмотря на внутренние предпочтения, способны отстраняться и относиться ко всем одинаково. Равнодушно и сочувственно одновременно. Надгосударственность была не для него, поэтому Макферсон умело встроился в государственность, где выбор стороны был одной из важных составляющих частей карьерного успеха.

– Скажи мне, только без вот этих своих гневных выпадов, почему ты всю эту затею считаешь идиотизмом? – спросил Пол, будто последние несколько месяцев не пытался всячески избегать этих разговоров.

– Что с тобой, Пол? Захотел соскочить? Уже поздно, мы пролетели Атлантику, – Лерой улыбнулся.

– Я же вроде попросил тебя нормально ответить, – Пол был серьёзен как никогда, совершенно не принимая лёгких шуток своего собеседника.

Советник глубоко вздохнул. Понял, что в этот раз придётся ответить действительно развернуто и настолько беспристрастно, насколько он бы только мог. По стандартам ООН, которые он так ненавидел.

– Ладно. Если отбросить мои предрассудки, раздражённость, убеждения о сущности зла и даже некоторые обиды... Обратимся к истории, – Макферсон и правда стал лучше разбираться в России, хотя бы потому что почувствовал себя униженным идиотом в разговоре с Анастасией и решил, что при следующей встрече с ней должен иметь пару-тройку весомых аргументов, дабы заткнуть её. – Россия никогда не воспринималась как западная страна. Так что она здесь, с нами, забыла? Солдаты Наполеона описывали её при своём походе на Москву как далёкое варварское восточное государство. А это было через сто лет после того, как Россия стала империей вполне себе европейского типа по всем канонам. Ещё через сто лет образ «восточности» укрепился из-за русского балета, который с успехом шёл по Европе. Почему? Потому что в постановках были задействованы восточные костюмы. И все между словами «русский» и «восточный» практически поставили знак равно. Потом СССР, друг всех

униженных и оскорблённых восточных народов. Что из этого дает нам полагать, что это Запад? Последние тридцать лет истории, где Россия открывала себя заново? Посмотри на карту, Пол. Большая часть этой страны находится вообще в Азии. Хочет стать колонией Китая? Прекрасно. Замечательно! Нам-то с этого что? Они наконец-то перестали себя отрицать и примкнули к своим собратьям по пониманию смысла жизни. Да, возможно, чисто визуально они близки к Западу. Но мы живем в эпоху глобализации, и это поправимо. Через сто лет никто, небось, и не вспомнит, что Россию с Европой объединяет что-то, кроме географии.

Пол долго молчал. Он видел в мимике Лероя некое превосходство, даже – пренебрежение. Тот действительно считал свои выводы сродни гениальности, при этом субъект изучения – ниже своего достоинства. Сам всё себе придумал, сам во всё поверил. И хотел, чтобы Пол тоже стал частью его мировоззрения.

– Ты так во всём этом уверен. А тебе не кажется, что ты специально подбирал свои аргументы, чтобы они подтверждали именно необходимую тебе точку зрения? – Пол сузил глаза.

– Все мы подвержены этому, конечно. Собственной предвзятости, я имею в виду. Но, в конце концов, кто я такой, чтобы отрицать историю? Кто я такой, чтобы её создавать? Может быть, французы были правы, а может быть, всё решилось, когда пала Византия. Ведь если в конечном итоге вся

Россия обретёт счастье, какая разница, что мы тут с тобой обсуждаем? – Лерой в непривычной для себя манере начал философствовать.

– Не знал, что тебя так волнует, счастливы ли русские.

– Знаешь, за время моего погружения в тему я понял одно: чем дальше мы находимся друг от друга, тем лучше для всех. Нам не по пути. Всецело желаю обрести России счастье в восточной семье народов. А нам – в западной. Таким образом мы сможем оставаться прекрасными соперниками и врагами, что нам всегда шло. Что, мне кажется, давало нашим отношениям некий... шарм.

– А что, если ты не прав? Что, если смысл не в поиске счастья? Что, если мы все вообще не способны на счастье? – Пол с надеждой посмотрел на Лероя, как будто у него были ответы на все его вопросы.

– Тогда получается, что это самая несчастная планета во Вселенной, – Макферсон отшутился, явно не желая продолжать их разговор.

Лерой не понимал всю серьёзность ситуации и внутреннюю дилемму Пола Блэквелла, который хотел бы найти своё счастье в отделении России от Запада, но почему-то был уверен, что, несмотря на всю враждебность и взаимные укоры, это принесёт ему только одно сплошное несчастье. И пустоту.

Лопасты вертолётa разрезали воздух.

Станислава щурилась, пытаясь вглядываться в небо. Резкий солнечный свет ослеплял её. Встретить его лично у вертолётной площадки была её инициатива. Она считала, что так возвращает ему воображаемый долг. За поддержку во время личного шторма, вызванного атакой в Мафазиму.

Анастасия Амурсанаева же была против и предупреждала так не делать.

– Он может подумать, что это «сближение», – говорила она.

Что у них теперь «особые отношения». Или – чего она боялась больше всего – прощение. Но Станислава сомневалась, что Пол Блэквелл подумает что-то лишнее. Она сомневалась, что он вообще обратит внимание на её жест.

Филин находилась в некотором возбуждённом состоянии, ожидая его появления. Её глаза бегали из стороны в сторону, а губы иногда двигались. Про себя с разными интонациями и акцентами она произносила одни и те же предложения, которые несколько недель формировались в стенах всех внешнеполитических ведомств страны и конкретно в голове Анастасии Амурсанаевой. Станислава знала их вдоль и поперёк, но всё равно повторяла, боясь забыть даже одно слово. Сегодня они, впрочем, должны были говорить не о Мафазиму, но если вдруг он спросит, то Станислава сможет ответить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.